

Бертрис
СМОЛА

Память
любви

Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Бертрис Смолл

Память любви

«АСТ»

2000

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смолл Б.

Память любви / Б. Смолл — «АСТ», 2000 — (Гарем
Бертрис Смолл (АСТ))

ISBN 978-5-17-106029-9

Юная красавица Ронуин предпочитала игре на лютне и вышиванию не подобающие даме забавы – скачки и турниры. Лишь двое мужчин увидели в Ронуин не безжалостного воина, не деву-рыцаря, но – женщину. Женщину прекрасную и желанную, созданную для радостей любви. Один из этих мужчин был для нее врагом, загадочным чужеземцем. Другой – мужественным и бесстрашным рыцарем, заставившим ее гордое сердце запылать неудержимым огнем любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-106029-9

© Смолл Б., 2000
© АСТ, 2000

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Бертрис Смолл

Память любви

© Bertrice Small, 2000

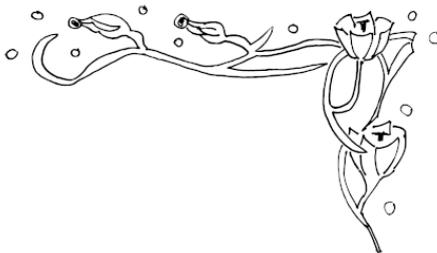
© Перевод. Т.А. Перцева, 2001

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Коре Александре Смолл, когда она станет взрослой

Пролог

Уэльс, 1257 год

Принц, потный, покрасневшийся, со стонами наслаждения неумолимо вонзился в любовницу под равнодушным взглядом стоявшего у изголовья ребенка. Неожиданно принц поднял голову и встретился глазами с девочкой.

– Иди на улицу, Ронуин, – приказал он.

– Там дождь, – проныла малышка.

– Тогда возьми овечью шкуру и ложись у огня, – буркнул принц.

Женщина, лежавшая под ним, тихо замурлыкала, зазывно приподняв бедра навстречу мощным толчкам.

– Хочу спать с мамой, – упрячилась Ронуин.

– Нет, девочка, – усмехнулся принц, – сегодня с твоей мамой сплю я. А теперь иди к очагу. Если вынудишь меня встать, получишь трепку. Быстро!

Девочка покорно склонила голову, легла у огня и прикрылась мягкими шкурами. Как она ненавидела те ночи, когда конь принца останавливался у их домика! Мать сразу забывала о ней и маленьком сыне. Правда, она часто твердила, что принц – их родной отец и они обязаны любить его и повиноваться ему. Не будь его, вся их семья умерла бы с голоду.

Брат уже мирно спал у огня, сунув в ротик большой палец. Темные ресницы – такие длинные, что касались розовых щечек, – казались густыми опахалами. Ронуин любила Глинна больше всех на свете. В отличие от матери он не предпочитал ей принца. Но нужно отдать должное Ллуэлину ап-Граффиду: он никогда не являлся в их дом без подарков и постоянно ласкал детей. Только Ронуин все равно считала, что не обязана его любить.

Послышался пронзительный крик матери.

– Мощи Христовы, – пробасил принц, – никто не может унять мою чесотку так умело, как ты, Вала!

Мать ответила нежным грудным смехом.

Глаза Ронуин сами закрылись. Как хорошо... Все равно нет смысла бодрствовать. Принц наверняка проведет здесь всю ночь.

Часть первая 1258–1270 годы

Глава 1

На дворе стояла поздняя весна, но ливший как из ведра дождь казался ледяным. Тяжелые капли просачивались сквозь битую черепицу и крошечными озерцами собирались на полу. Огонь погас еще накануне, и дети не знали, как его развести. Пришлось крепко обняться и скорчиться в уголке, чтобы не замерзнуть окончательно. Тело матери лежало на кровати в луже черной крови, уже успевшей свернуться. Несмотря на холод, смрад стоял невыносимый. Ветер голодным волком завывал в окнах, и мальчик жалобно хныкал, прижимаясь к старшей сестре.

Ронуин, дочь Ллуэлина, второй день ломала голову, пытаясь придумать, как спастись от смерти. Мама умерла, рожая принцу очередного ублюдка. Поблизости не было никакого жилья – какая порядочная женщина потерпит соседство шлюхи принца и ее незаконного отродья? Старая ведьма, помогавшая Вале произвести на свет Ронуин и Глинна, на этот раз не успела явиться, потому что схватки начались преждевременно. *Слишком рано.*

«Сначала нужно согреться, – сонно подумала Ронуин. – Как разжигают огонь? Ах, если бы дождь перестал!» Может, они сумели бы добрести до какой-нибудь фермы или деревни! Беда в том, что она ни разу за последние пять лет не спустилась с холма, на котором стоял их дом.

Трехлетний Глинн снова заплакал, и девочка прижала его к себе.

– Есть хочу, – пожаловался он.

– Глинн, у нас не осталось ни крошки, – в десятый раз повторила она. – Как только дождь перестанет, мы выйдем и поищем еду. Раньше ничего не получится.

Ронуин раздраженно поморщилась. Они вряд ли выживут. Если бы было чуть теплее, тогда и голодные судороги не казались бы такими жестокими. Мать приказала Ронуин поддерживать огонь, и она выполнила бы поручение. Но когда мать начала истошно вопить от боли, Ронуин поспешно увела брата во двор, чтобы тот не пугался. Они долго бродили по склону холма, собирая цветы для новорожденного, а когда вернулись, мать уже не дышала, а огонь погас. Не осталось ни одного тлеющего уголька, который можно было раздуть, как это часто делала мама. И тут начался дождь. Он лил всю ночь и не прекращался ни на минуту. День клонился к сумеркам, а барабанная дробь капель по крыше только усиливалась.

Ронуин насторожилась: где-то за холмами слышался собачий лай, с каждой минутой становившийся все громче. Девочка едва не заплакала от радости. Дверь с шумом распахнулась, и на пороге в тусклом свете угасающего дня возник Ллуэлин ап-Граффид. Поспешно ступив внутрь, он обвел взглядом комнату, увидел съевшихся, дрожавших детей и едва не охнул.

– Что здесь произошло?

– Мама умерла. Малыш запросился на свет слишком рано.

– Почему не было повитухи?! – взорвался Ллуэлин.

– Кому было за ней послать? И откуда я знаю, где она? Мама все кричала и кричала, тогда я взяла Глинна и убежала. Когда мы вернулись, она уже не дышала. И огня не было. Еды тоже. Что мне было делать? Куда идти? Это ты и твоя похоть убили маму! Она не умерла бы, если бы ты ее не обрюхатил!

Пораженный злобой, звеневшей в детском голосе, принц уставился на Ронуин так, словно видел впервые. Как странно... все равно что смотреться в зеркало. Точная его копия, если не считать волос, волос Валы. Он всегда знал, что девчонка его не выносит: недаром так свирепо уставилась своими зелеными глазницами. Не будь ситуация столь трагической, Ллуэлин рассмеялся бы. Да, воистину Ронуин – его семя и столь же неукротима в гневе, как он сам.

– Я разожгу огонь, – ответил он. – Иди на улицу и принеси мою седельную сумку. Там еда. Собак не бойся: они тебя не тронут. – С этими словами принц подошел к очагу и начал было высекать огонь, но, поймав взгляд крошки сына, поманил малыша: – Иди сюда, парень, и я покажу тебе, как разводить огонь в очаге, чтобы ты больше никогда не мерз.

Мальчик подобрался ближе и, раскрыв рот, зачарованно уставился на ап-Граффида. Собрав хворост в кучку, тот вытащил из кошеля кремень и стал царапать его острием кинжала, пока рассыпавшиеся искры не подожгли сухие веточки. Глинн изумленно вытаращил глаза, и принц с улыбкой взъерошил темные волосы мальчика, после чего продолжал подбрасывать дрова, пока огонь не заплясал в жерле очага, изгоняя сырость.

– Возьми, Глинн ап-Ллуэлин! – воскликнул принц, протягивая сыну кремень. – Теперь ты знаешь, как разводить огонь, но запомни: пока это можно делать только в очаге. Договорились?

– Да, па, – кивнул малыш, и принц снова улыбнулся. Ребенок впервые назвал его отцом.

– Значит, тебе известно, что я твой отец, – кивнул он.

– Ма так сказала, – просто ответил Глинн.

– Она не лгала, да упокоит Господь ее нежную душу, – вздохнул принц.

Что теперь делать? Необходимо похоронить любовницу, хотя ни один священник не согласится прочесть над ее телом заупокойную молитву. Но разве это важно? Спаситель примет Валу, дочь Хью, потому что она была хорошей женщиной. Господь не пошлет ее в преисподнюю только потому, что она была наложницей Ллуэлина ап-Граффида. У нее не было ни богатого приданого, ни могущественных родственников. Жаль, что он так и не женился на ней. Тогда бы их дети считались законными. Что ж, он может официально признать их. Это порадовало бы Валу. Ему уже далеко за тридцать, а других наследников, кроме этих двух маленьких бастардов, пока не предвидится.

В комнату вошла Ронуин. Открыв седельную сумку, она вынула хлеб с сыром, наломала маленькими кусочками и дала брату.

– Что это? – удивилась она, взвесив на ладошке кремень.

– Отдай! – завопил Глинн. – Мне па дал. Чтобы делать огонь!

Ронуин, пожав плечами, протянула брату его сокровище.

– Ребенок родился? – шепотом спросил ап-Граффид.

– Не знаю, – пробурчала девочка, сунув в рот хлеб с сыром. – Я не подходила к кровати.

Принц понимающе кивнул. Ему, разумеется, придется посмотреть.

– Дождь перестал, Ронуин?

– Да.

– Пойду вырою могилу для вашей матери.

– Только в том месте, откуда виден закат, – попросила девочка. – Мама всегда любила закаты.

Ап-Граффид порылся в крошечной кладовке и, найдя лопату, направился к западному склону холма. Небо успело проясниться, и последние лучи заходящего солнца бросали багровые отблески на мокрую землю. Выбрав подходящее место, он начал копать. Тревожные мысли не оставляли его: что теперь делать с детьми? Правда, между ним и англичанами пока сохраняется перемирие, но у него до сих пор нет места, которое он мог бы назвать домом. Кроме того, будет лучше, если как можно меньше людей узнают о существовании малышей.

Их могли взять в заложники, похитить, чтобы заставить отца заключить выгодный врагу договор, тем более что других детей у него нет. Ллуэлин был верен Вале еще и потому, что для других развлечений у него не хватало времени. Да и никто не мог ублажить его так, как эта светловолосая красавица.

Рыхлая почва легко поддавалась лопате, и скоро яма стала достаточно глубокой. Теперь нужно принести труп. Отставив лопату, принц направился к дому. Несмотря на ужасную кончину, лицо Валы оставалось на удивление мирным и спокойным. Между раскинутыми окровавленными ногами лежало крошечное, но идеально сформировавшееся дитя.

– У вас могла быть сестра, – сообщил Ллуэлин детям. – Принеси тазик, парень, а ты, детка, поставь на огонь котелок с водой. Ваши мама и сестричка сойдут в могилу чистыми.

«Сестра», – грустно подумала Ронуин. Как она хотела сестру! Мама все перебирала имена и решила, что, если родится мальчик, она назовет его Хью, в честь своего отца, и Гуинллиан, если будет девочка.

Ронуин опустила ведро в стоявший в углу бочонок с водой, наполнила железный котелок и повесила над огнем. Немного подумав, она порылась в сундуке, достала отрез белой ткани и безмолвно протянула отцу.

Ап-Граффид едва заметно улыбнулся, хотя глаза его оставались печальными. Он вспомнил, как Вала просила у него белую ткань – она объяснила, что, если умрет она или кто-то из детей, у них будет пристойный саван. Сколько лет прошло с тех пор? Тогда он лишь посмеялся, но все же привез материю. Вала жила на этом зеленом холме только потому, что захотела принадлежать ему, презрев законы приличия и отказавшись от общества соседей, от возможности попросить у них помощи, если окажется в беде. Она понимала это и смирилась с судьбой, ибо преданно любила его. Ах, ему следовало жениться на ней. Ее отец владел крохотным земельным наделом и был свободным крестьянином. Когда-нибудь ап-Граффид заключит выгодный брак, но любил и всегда будет любить только Валу.

Вода согрелась, и Ллуэлин принялся обмывать тело женщины, которую обожал. Потом настала очередь недоношенного младенца. Окровавленные простыни пришлось сжечь. Принц бережно завернул застывшее тело в белоснежный саван и положил ребенка на руки матери, с трудом разогнув их. Именно так она хотела быть похороненной. Он это знал.

– Подойдите, попрощайтесь со своей ма, – шепнул он, подзывая детей.

Ронуин, чуть поколебавшись, взяла брата за руку и подошла к отцу. Принц в последний раз поцеловал ледяные губы возлюбленной, и дети последовали его примеру. Ронуин осторожно коснулась крохотной головки сестры. Ап-Граффид мог бы поклясться, что в зеленых глазах блеснули слезы, но девочка тут же обернулась и устремила на него жесткий взгляд.

– Во всем виноват ты, Ллуэлин ап-Граффид, – повторила она. – И что теперь будет со мной и Глинном? Кто пригреет нас?

– Вы – мои дети, – пояснил он. – Я вас не брошу. Ваша мать верила мне. Почему же ты меня отталкиваешь? Ведь я твой отец.

– Ты зачал нас, пролив свое семя в утробу нашей матери, – холодно бросила девочка. – Но разве был нам настоящим отцом? Ты приезжал только для того, чтобы повидаться с *ней* и утолить свою похоть. Из-за тебя я не видела в жизни ни одной живой души, кроме матери, брата, тебя да той старой карги, которая помогала при родах Глинна.

– Но я делал все, чтобы вы не мерзли и не голодали, – защищался Ллуэлин. – Для чего еще нужен отец? Мужчина должен сражаться и делать все, чтобы добиться в жизни большего. Покорять врагов. Приобретать новые земли. Таков мир мужчин. Удел женщины – дом и дети. Ваша мать тоже так считала. А теперь давайте похороним ее и вашу сестричку, а потом я отвезу вас в безопасное место.

Валу и малышку осторожно опустили в сырую могилу, прикрыли их саваном. Ап-Граффид стал засыпать яму землей под душераздирающие рыдания Глинна, жавшегося к

сестре. Заходящее солнце в ослепительном великолепии красно-золотых полотнищ, расцветивших небо, освещало небеса. Ап-Граффид насыпал небольшой холмик и посадил выкопанные неподалеку кусты, чтобы на тела не позарились дикие звери или осквернители могил.

– Нам придется провести здесь ночь, – сказал он детям. – Ронуин, собери все, что захочешь взять с собой, и вещи брата. На рассвете мы уедем. Идите в дом, а я пока постараюсь подстрелить кого-нибудь на ужин.

Вернувшись с двумя освежеванными кроликами, он увидел, что в домике прибрано и чисто. Однако с кровати, которую он так часто делил с Валой, был снят соломенный тюфяк. Ллуэлин сразу заметил это, но, ничего не сказав, стал жарить кроликов над огнем. Часть мяса он бросил собакам. Ронуин накрыла маленький стол, добавив к угощению немного хлеба с сыром. Очевидно, кое-что из еды она решила оставить на утро. Ллуэлин молча наблюдал, как она тщательно отделяет мясо от костей и кормит маленького братца. Только когда Глинн насытился, девочка принялась за еду. Ронуин хорошо усвоила уроки матери. Когда-нибудь она сама станет любящей матерью, подумал принц.

Ллуэлин грустно покачал головой. Он должен найти ей хорошего жениха. У такой миленькой девочки не будет недостатка в обожателях.

Дети уснули перед огнем, завернувшись в шкуры.

С первыми лучами солнца Ллуэлин поднялся и встал в дверях. Он приезжал сюда в последний раз. Кто мог подумать, что Вала уйдет так рано? Милая, красивая, здоровая женщина... Ей было четырнадцать, когда он впервые увидел ее в доме своего дяди и увез с собой. Его семя породило новую жизнь в ее чреве после первой же их ночи. Вала оказалась девственной, а девять месяцев спустя родила Ронуин так же легко, как кошка – слепых котят. Через два года появился Глинн. Почему роды в этот раз начались на два месяца раньше срока и привели к гибели Валы? Что за страшный удар судьбы? Но теперь Ллуэлин исправит свою ошибку – он поедет к священнику и признает детей своими.

Солнце показалось над линией горизонта. Ап-Граффид вернулся в домик и разбудил детей. Они вместе прикончили все, что осталось из еды, и Ллуэлин дал малышам по глотку вина из бурдюка. Глинн закашлялся, а Ронуин с удовольствием проглотила напиток.

– Значит, тебе вино нравится, – усмехнулся отец.

– Очень, – кивнула девочка.

– Ты собрала все, что хочешь взять с собой?

– Не так уж много у нас вещей, – пожала плечами она. – Я все сложила в мамину шаль. – Она протянула отцу небольшой, не слишком аккуратный, но туго затянутый узелок.

– Возьми брата и уходи, – приказал он. – Я сейчас буду.

– Что ты задумал? – встрепелась девочка. Взгляды их скрестились.

– Сожгу лачугу, – пояснил он, но, к его удивлению, Ронуин не стала возражать. Наоборот, она молча кивнула и выполнила приказ. Ап-Граффид коротко рассмеялся. Вала была сама нежность и покорность. Сладость и пряные ароматы. Зато их дочь – крепкий орешек. Такую не согнешь! Вся в отца.

Тяжело вздохнув, он взял заранее приготовленный камышовый факел и сунул в очаг. Когда коричневые бархатистые головки разгорелись, он обошел маленький домик, поджигая все, что могло гореть, а ступив за порог, бросил сноп камыша на пол. Все трое подождали, пока от домика остались лишь пылающие угли.

– Теперь в путь, – приказал ап-Граффид. Подойдя к стреноженному коню, он взялся за поводья. – Ронуин, ты сядешь позади меня, а Глинн устроится спереди. – Заметив в глазах мальчика ужас, Ллуэлин поспешил успокоить его: – Я понимаю, Глинн, ты впервые сидишь на таком чудовище. Но Адден – хорошо обьезженная скотинка, он не причинит тебе вреда.

Когда-нибудь я позабочусь о том, чтобы у тебя был такой же жеребец. Возможно, от Аддена. Как тебе это понравится? – Он вскочил в седло и крепко обнял сына.

– Очень понравится, па, – прошептал тот, и голосок, хотя и тихий, больше не дрожал. Значит, парнишка не боится.

Ап-Граффид перегнулся и, подхватив дочь, посадил себе за спину.

– Обними меня, девочка, – приказал он и, почувствовав, как обвилились вокруг пояса тонкие ручонки, тронул Аддена.

– Куда мы едем? – поинтересовалась Ронуин.

Ап-Граффид задумался.

– В Ситрол. Эта крепость принадлежит мне. Отсюда до нее с полдня езды.

Они скакали все утро. Собаки мчались рядом, не отставая ни на шаг. Время от времени Ллуэлин спрашивал, не хотят ли дети отдохнуть, но те неизменно отказывались. Приятно, что они не нытики. Пока их можно оставить в Ситроле, но что потом? Нужно время, чтобы хорошенько обдумать их судьбу, ведь ему и в голову не приходило, что отныне он станет их единственным защитником. Воспитывать детей – обязанность матери, но теперь Ронуин и Глинн сироты.

Сам того не сознавая, ап-Граффид снова вздохнул и понурился.

«Он любил ее, – подумала Ронуин. – По крайней мере хоть это правда». От этой любви появились на свет она и Глинн, только вот к ним он особых чувств не питает. Что с ними будет? Какая еще крепость? Почему он должен оставить их именно там? Но ничего, она не станет бояться, иначе Глинн тоже испугается. Он и без того никак не может опомниться от смерти ма. Мать хотела бы, чтобы сестра оберегала младшего брата... заботилась о нем... Но, Господи, как же ей страшно...

Внезапно прямо перед ними возникло огромное сооружение из темного камня. Казалось, оно росло из самой горы.

– Ситрол, – пояснил ап-Граффид, направив коня прямо на грудь черных булыжников.

Откуда-то сверху донеслось его имя. Адден промчался через массивные ворота. Двор неожиданно ожил: отовсюду сбегались люди. Один взял под уздцы коня, другой снял с седла Ронуин и Глинна. Ллуэлин спешил, приказал накормить и почистить Аддена и, осмотревшись, спросил:

– Где Морган ап-Оуэн?

– Я здесь, милорд, – прогремел низкий голос, и вперед выступил широкоплечий высокий мужчина с черной бородой, связанными на затылке волосами и блестящей лысиной на макушке.

– Нам нужно поговорить, – обронил ап-Граффид, направляясь к донжону – главной башне крепости. Открыв дверь, он обернулся к детям: – Идите согрейтесь у очага.

Потом взял протянутый ему деревянный кубок с горьким пивом, осушил тремя глотками и уселся на единственный стул, предназначенный для господина и хозяина.

– Вала умерла. Это наши дети. Ронуин только исполнилось пять, Глинну – три года. Я хочу оставить их с тобой, пока не решу, что с ними делать, – сообщил он Моргану, начальнику здешнего гарнизона.

– Ваше слово – закон для меня, господин, – поклонился тот, – но почему здесь и почему именно я? Вы оказываете мне огромную честь, доверяя безопасность ваших отпрысков.

– Ты был кровным родственником Вала, Морган, и кроме того, я не хотел утомлять их долгой дорогой. До сих пор они никогда не покидали холма, на котором стоял дом Вала.

– А если отправить их к вашим братьям?

– Почти никто не знал о Вале, а уж о детях тем более. Теперь о них будет известно только тебе, мне и священнику, которого я выберу. Ты знаешь, как велика опасность. Мои враги убьют парнишку и постараются выдать Ронуин замуж к своей выгоде. Я уже немолод,

и, если не женюсь, Глинн когда-нибудь станет моим наследником. И только отец имеет право найти дочери мужа. Они такие маленькие, Морган, – улыбнулся Ллуэлин старому другу. – Неужели не приютишь их?

– Рядом с очагом всегда есть место для ночлега, куда мы укладываем самых важных гостей. Дети могут пока спать там. Но что мне с ними делать?

– Они сами найдут, чем заняться. Главное, следи, чтобы они не мерзли, не голодали и не попали в беду.

– А что сказать моим людям? – допытывался ап-Оуэн.

– Объясни, что эти дети мне дороги, – отмахнулся Ллуэлин. – Пусть гадают, но до правды им все равно не доискаться.

– А если дети проболтаются? – встревожился Морган.

– Ронуин, Глинн, ко мне! – скомандовал отец и, когда они подбежали, объявил: – Вы мои дети, моя кровь и плоть, и я горжусь этим, но вы не должны никому говорить о нашем родстве. Ронуин, я знаю, ты достаточно большая, чтобы все понять и объяснить брату. Сумеешь, девочка?

– Сумею, – кивнула Ронуин.

– Молодец, – похвалил Ллуэлин, чмокнув дочку в лоб и усмехнувшись при виде удивленной гримаски, промелькнувшей на ее лице. – А теперь я должен ехать. Меня ждут в другом месте, и, хотя и с опозданием, все же необходимо добраться туда.

– Ты вернешься? – прошептала Ронуин.

– Обязательно.

– Когда?

– Когда время придет, девочка. Тут вы в безопасности. Морган ап-Оуэн – родственник вашей мамы. Он будет защищать вас. Пообещайте, что станете его слушаться.

– Обещаю, – глухо пробормотала Ронуин.

– И я тоже, – пропищал малыш, радуясь, что может угодить отцу.

Ап-Граффид подкинул мальчика и, расцеловав в обе щеки, поставил на пол. Ронуин спокойно взирала на происходящее, не подавая виду, что ревнует.

– Ты еще не составила мнения обо мне, так ведь? – пошутил он.

Ронуин пожала узкими плечиками.

– Я не слишком хорошо знаю тебя, но благодарна за то, что приехал и увез нас. Больше я ничего не могу сказать, Ллуэлин ап-Граффид.

– Ты моя дочь и честна до безобразия, – засмеялся он. – Позаботься о братце, Ронуин. Я вернусь, обещаю. – Он погладил ее по голове, повернулся и вместе с капитаном вышел во двор.

– Па! – жалобно взвыл Глинн.

– Ты же слышал – он скоро приедет, – утешила его сестра. – Давай лучше обследуем все закоулки нашего нового дома. Смотри, какая высота!

Мальчик мгновенно отвлекся.

Когда сгустились сумерки и зал наполнился воинами, дети было растерялись, но Морган усадил их за высокий стол и объявил:

– Эти малыши очень дороги нашему господину Ллуэлину. С ними должно обращаться хорошо и ни в чем не отказывать. Я назначаю восемь человек их личными телохранителями. Лаг, Эдда, Мейбон, Надд, Баррис, Дьюи, Кэдем и От! Я выбрал вас. И присмотрите, чтобы с этими пташками ничего не случилось.

Воины долго добродушно ворчали, хотя втайне были довольны оказанной честью. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы угадать в малышах детей предводителя, пусть Морган и ничего не сказал. И парнишка, и девочка походили на него как две капли воды, если не считать светлых волос последней.

– Они – его кровь, верно? – шепнул лейтенант капитану.

– Я ничего подобного не утверждал, – покачал тот головой, – и тебе не советую.

Ронуин, кормя брата, рассеянно прислушивалась к разговору. Очевидно, их родитель – человек знатный!

После ужина мужчины собрались вокруг детей, как стая больших лохматых сторожевых псов. Ронуин в основном молчала, предоставив брату завоевывать сердца взрослых: по ее мнению, красивее Глинна не было на свете ребенка. Когда малыш стал клевать носом, От подхватил мальчика и уложил на тюфяк.

– Тебе тоже лучше бы лечь, – посоветовал он Ронуин.

– Я старше, – покачала она головой и, увидев, как в дальнем конце зала стоят на коленях несколько воинов, удивленно спросила: – Что это они делают?

– Кости бросают, – усмехнулся От. – Игра такая.

– Я хочу научиться, – потребовала Ронуин.

– Да ну? Уж и не знаю, что скажет капитан.

– Но почему бы нет? – настаивала девочка.

– Это азартная игра, – объяснил От.

– Не понимаю, – призналась Ронуин. – Видишь ли, я совсем невежественна, потому что всю жизнь прожила с мамой на холме.

– Понятно, – кивнул воин. – Что же, пожалуй, поучу тебя сам. Только не сегодня. Последние дни были трудными, и ты нуждаешься в отдыхе. Готов побиться об заклад, ты никогда прежде не сидела на коне. Кстати, в конюшне есть маленькая кобылка, на которой некому ездить. Я мог бы показать, как держаться в седле. Что скажешь?

– Конечно! – обрадовалась Ронуин.

– Тогда укладывайся рядом с братом, он уже успел уснуть. Завтра у тебя много дел.

От повел девочку к нише в каменной стене, где уже спал Глинн, дождался, пока она ляжет, и подоткнул овечьи шкуры.

– Доброй ночи, крошка, – пожелал он, прежде чем отойти.

– Молодец, – тихо похвалил его Морган.

– Но что, во имя Иисуса, побудило ап-Граффида оставить здесь этих крошек? – поинтересовался От. – Разве такое место, как Ситрол, подходит для детей?

Он налил пива в деревянную чашу и жадно выпил.

– Ничего, он скоро приедет за ними, – вмешался Гэммон ап-Ллуид. – Они – его единственные отпрыски, если, разумеется, где-то нет еще двоих-троих.

– Он был верен моей кухне Вале, – спокойно возразил Морган. – Готов поклясться, других у него нет. Кстати, разве я не запретил вам распускать языки?

– Мы все знаем, что это его дети, – упрямылся Гэммон.

– Бедные крошки, – посочувствовал От. – Остались сиротками – ни родителей, ни настоящего дома. Однако если они пробудут здесь недолго, нужно как-то их развлечь, тем более что пока войны не предвидится.

«Да, – подумал Морган, – но надолго ли? А если разразится очередная бойня, Ситрол окажется в гуще событий – недаром расположен чересчур близко к границе, охраняя горный перевал между уэльскими и английскими участками Мачиз¹».

Должно быть, само провидение послало принца на помощь отчаявшимся детям, иначе их ждала бы неминуемая гибель. Конечно, Ронуин сделала бы все, чтобы спасти брата, но ведь она сама была еще слишком мала и слаба. Ап-Граффид появился как раз вовремя, и все же Морган чувствовал, что ждать его скорого возвращения не стоит. У него и без того немало неотложных дел. Одному Богу известно, сколько лет предстоит провести в Ситроле

¹ Пограничный район между Англией и Шотландией или Англией и Уэльсом. – *Здесь и далее примеч. пер.*

этим детям. Значит, следует позаботиться об их одежде. Дьюи, один из тех, кого он назначил охранять детей, считался неплохим портным. Ему придется одеть в мальчишеское платье не только Глинна, но и Ронуин. Тогда любой лазутчик посчитает, что это дети кого-то из воинов, и ничего не заподозрит. Увидев же маленькую девочку, всякий вообразит, будто в крепости появились женщины, а это может оказаться весьма опасным для благополучия обитателей Ситрола.

Но что делать с детьми днем? Морган, как и его подчиненные, не умел ни читать, ни писать. Чтобы Ронуин когда-нибудь удачно вышла замуж, она должна что-то знать и уметь. Вообще-то это забота ап-Граффида. Вряд ли он ожидает, что грубые мужланы способны дать детям принца подобающее воспитание. Почему ап-Граффид не отвез малышек к своей сестре, аббатисе Гуинллиан? В Аббатстве милосердия им было бы куда лучше. Но ап-Граффид предпочел пойти по пути наименьшего сопротивления. Правда, его можно извинить: любовь к стране перевешивала все остальные пристрастия. Поэтому он и откладывал женитьбу. Даже сейчас, приближаясь к сорокалетию, Ллуэлин не думал завести жену и законного наследника.

Морган ап-Оуэн в отчаянии покачал головой. Двое детей! О чем думал господин?!

Он окинул взглядом зал. Многие воины уже успели завернуться в шкуры и лечь поближе к огню.

Морган поднялся и вышел во двор, чтобы проверить, все ли в порядке. Ворота закрыты и заперты. Стражники стоят на стенах. Все тихо и спокойно. Небо совсем очистилось, и звезды сверкают ярче драгоценных камней, среди которых медленно плывет полумесяц. Холодный мокрый нос вжался в ладонь Моргана. Он рассеянно погладил любимую собаку, большую ирландскую овчарку.

– Да, Бренин, ничего не скажешь, свалилось на нас дельце нежданно-негаданно! Надеюсь, ты тоже присмотришь за нашими молодыми гостями. Парнишка, должно быть, слишком мал, чтобы проказничать, но я опасаясь за его сестру. Упрямица, как ее отец, и, думаю, такая же умная.

Собака заскулила, словно соглашаясь, и подтолкнула хозяина массивной головой.

– Стареешь, Бренин, – хмыкнул Морган. – Я-то думал, что в такую прекрасную ночь тебе захочется погоняться за сучками. Пожалуй, я тоже отправлюсь на покой.

Хозяин и животное вместе вернулись в зал. Морган отыскал свое место, но, к его удивлению, овчарка устроилась между детьми. Капитан улыбнулся. Он всегда знал, что Бренин понимает человеческую речь, даже если остальные утверждали обратное.

Глава 2

– Да, детишки ап-Граффида мало чем отличаются от крестьянских, – вздохнул Морган, покачивая головой. – Ничего не видели, кроме своего домика и окрестных холмов. Вала даже собаку не заводила! Им и поиграть-то не с кем было!

Сначала они побаивались Бренина, но огромный пес быстро завоевал расположение как настырной Ронуин, так и ее глупенького братца. Вскоре Глинн уже ездил на нем верхом, стараясь подражать сестре, которую От обучал скакать на лошади.

– Нужно бы добыть пареньку пони, – заметил как-то вечером От. – Совсем замучил старину Бренина, а если пес сдохнет, капитан с нас шкуру сдерет.

Собеседники согласно закивали.

– Стой смирно, непоседа ты этакая! – велел Дьюи, снимая с Ронуин мерку для туники. – Ты проворнее горной речки – так и норовишь ускользнуть!

– Лаг говорит, у меня ноги очень маленькие, – хихикнула Ронуин. – Вчера он снимал мерку для сапожек. Я смогу в них ходить, Дьюи? Раньше я всегда бегала босиком.

– Пора учиться носить обувь, – наставительно заметил Дьюи. – А я смастерю тебе мягкие шоссы.

– Что это такое? – с любопытством осведомилась девочка.

– Такая одежда – штаны и чулки одновременно. Не будешь мерзнуть зимой и изнывать от укусов комаров летом.

Господи, до чего же невежественны эти дети!

– Ты шьешь ей шоссы? – вмешался Лаг. – В таком случае я подожду с сапожками и снова сниму мерку, когда она наденет чулки. Нужно было сказать мне, прежде чем я сделал выкройку.

– Но ты еще не разрезал кожу, верно?

– Нет, ты предупредил как раз вовремя.

Морган ап-Оуэн едва сдержал смехок. Все воины просто без ума от детей. Не нужно было и назначать телохранителей: каждый готов сделать все для отпрысков ап-Граффида. Они носили мальчика на руках, стоило тому пожаловаться на усталость, что случалось весьма часто. Ронуин и Глинну доставались за обедом лучшие кусочки.

Первое время дети немного стеснялись, но вскоре освоились в новом доме. Морган боялся спрашивать, как в конюшне появился серый пони в яблоках и под маленьким седлом. Глинн, обычно нерешительный и застенчивый, преобразался во время уроков верховой езды и быстро стал отличным, даже отчаянным наездником. Частенько он превосходил в смелости даже сестру, которая абсолютно ничего не боялась.

Днем малыши проникали во все уголки крепости. Заметив, что они фехтуют палочками, воины сделали для них деревянное оружие, и начались уроки воинского искусства.

Глинна, правда, утомляли грубые игры, хотя его сестра их любила. Он предпочитал компанию повара Гвилима, знавшего бесчисленное множество сказок и историй о волшебном народце, воинах и прекрасных девах; некоторые были трогательно-чисты, даже романтически, другие – непристойно-греховны. Гвилим часто рассказывал их обитателям крепости долгими зимними вечерами. К тому же Господь наградил его прекрасным, глубоким, бархатистым голосом, способным заморозить любого слушателя. Иногда он даже пел, аккомпанируя себе на маленькой лютне. Глинн часами не отходил от повара. Тот не возражал против присутствия милого, тихого малыша.

С Ронуин, однако, было куда меньше хлопот. Морган сам учил ее драться на мечях, чем доставлял малышке несказанное удовольствие. К тому же он показал ей, как действовать одновременно мечом и кинжалом. Кузнец Баррис выковал Ронуин маленький круглый щит,

От сшил камзол с толстой подкладкой специально для тренировок. Прошло совсем немного времени, и девочка научилась орудовать булавой и копьем. Однако самым любимым ее оружием, если не считать меча, стал олбориум, лук из прута лесного ореха. Она научилась попадать в цель даже на скаку. Управляя лошастью коленями и обмотав узду вокруг луки седла, Ронуин выпускала стрелу за стрелой и крайне редко промахивалась.

Последующие годы ознаменовались серией договоров, укрепивших мир между Англией и Уэльсом. Английский король Генрих III отчаянно боролся за власть с одним из своих знатнейших дворян – Симоном де Монфором, графом Лестером, бывшим к тому же его шурином. У де Монфора нашлось немало сторонников, потому что Генрих считался слабым монархом. Встретив бешеное сопротивление в битве при Оксфорде, король неохотно подписал хартию, ограничивающую его власть. Три года спустя он объявил хартию незаконной, поскольку подпись будто бы была вырвана у него силой. В этот момент разразилась Война баронов, и де Монфор окончательно взял верх над королем. Именно тогда и собрался первый парламент, состоявший из лордов, епископов, рыцарей и представителей от городов и университетов.

Следующим шагом де Монфора по обеспечению мира на западе было официальное признание Ллуэлина ап-Граффида принцем Уэльса и повелителем всей валлийской знати. Теперь он стал вассалом Англии и получил у себя в стране неограниченную власть. Однако вскоре после этого принц Эдуард, старший сын короля, разгромил де Монфора. Это никак не отразилось на положении Уэльса. Англии было на руку какое-то время поддерживать автономию этой области. Не стоило забывать о воинственных шотландцах и притязаниях Франции, завладевшей почти всеми французскими территориями, ранее принадлежавшими Англии. Генрих предложил Ллуэлину подписать очередной мирный договор.

В Ситрол, изолированный от остального мира, новости просачивались далеко не сразу, да и то если сюда забредал очередной путник в поисках убежища. Ронуин, втайне сгоравшая от любопытства, делала вид, что ей все безразлично. Она по-прежнему не питала особой любви к отцу, помня, что тот спас их случайно, по воле судьбы. Привезя их в крепость, он просто исполнил свой долг, ибо воины Ситрола сумели вбить в голову Ронуин, дочери Ллуэлина, один жестокий урок: первейшая обязанность человека – перед семьей и родиной. Если отец обратится к ней с просьбой, Ронуин выполнит все, что от нее зависит, несмотря на неприязнь к нему. Ап-Граффиду она обязана появлением на свет. Он – ее повелитель, она – его подданная. Правда, весьма сомнительно, чтобы он потребовал от дочери исполнения долга.

Ллуэлин так и не женился, хотя годы неумолимо бежали. Ходили слухи о его обручении с дочерью Симона де Монфора. Но разве такая благородная леди, состоявшая в родстве с королями Англии, Франции и императором Священной Римской империи, обратит внимание на простого валлийского принца? К тому же дама сейчас жила во Франции, так что оставалось лишь гадать, что выйдет из планов ап-Граффида.

Ронуин уже исполнилось пятнадцать, и Морган ап-Оуэн забеспокоился. Пусть она одевается мальчиком, но маленькие грудки явственно выделяются под туникой. Если не считать этого отличия, в ней нет ничего женственного. Так же задириста и груба, как любой молодой петушок в Ситроле, волосы коротко острижены. Зато скачет и дерется она лучше многих в Ситроле, включая собственного брата.

С девчонкой справляться было куда легче, но теперь парни начали похотливо поглядывать на нее. Дважды за последний месяц они пытались зажать ее в укромном уголке. Пока один из ухажеров отделался треснувшими ребрами, а другой – сломанным носом, но пройдет совсем немного времени, и Ронуин осознает, что она очень хорошенькая девушка.

И тут в Ситроле неожиданно появился ап-Граффид. На этот раз его сопровождал отряд из двадцати воинов. Стражники на стенах, заметив вновь прибывших, сообщили Моргану, что сам принц решил посетить крепость. Привратники спешно подняли решетку и распахнули ворота.

– Господин мой, как мы рады вас видеть! – поклонился Морган, выступив вперед. – Что нового в стране?

– Я подписал договор с королем Генрихом, так что войны пока не будет, – сообщил Ллуэлин. – А где мои дети?

Прежде чем Морган успел открыть рот, из толпы встречающих вышел От с Глинном.

– Это ваш сын, мой принц.

Ап-Граффид оглядел паренька и остался доволен. Глинн выглядел сильным и здоровым. Такой же высокий и темноволосый, как отец, он, однако, был довольно худым, и ап-Граффид сделал Моргану замечание по этому поводу.

– Мальчишки в его возрасте всегда немного нескладны, мой принц, – пояснил тот. – Он растет и ест за троих.

Морган улыбнулся Глинну, и тот лукаво подмигнул ему.

– Сколько тебе лет, парень? – осведомился отец.

– Тринадцать, па.

– Тебе хорошо живется в Ситроле?

– Да, па! – восторженно выпалил юнец.

– Прекрасно, – кивнул Ллуэлин. – А моя дочь?

– Она охотится, мой принц.

– Значит, ее научили скакать верхом? – обрадовался принц. – Превосходно!

– Ронуин – лучшая наездница и лучший воин в Ситроле! – воскликнул Глинн. – Все это подтвердят, па!

– Воин? Даже так? – усмехнулся ап-Граффид, удивленный наивностью мальчика. Что может знать тринадцатилетний парнишка об окружающем мире? Стоило бы подумать о его будущем, но сейчас главное – устроить судьбу дочери.

– Да, па, – продолжал Глинн, видя, что Морган растерянно молчит. – Ронуин прекрасно управляется с мечом, кинжалом, копьем и булавой. А какая она лучница! Всегда попадает в цель! Никто не приносит столько охотничьих трофеев!

Мальчик, очевидно, гордился сестрой и хотел представить ее отцу в лучшем свете. Ап-Граффид приподнял брови:

– Это ты обучил мою дочь владеть оружием, Морган?

– Лучше было показать ей приемы, чем ожидать, что она покалечит кого-то. Кроме того, у нее свои доспехи и щит. Мы посчитали, что так будет правильно.

– А больше ее ничему не учили?

– Это все, что было в наших силах, – признался Морган.

– А как насчет моего сына? Ты и его обучал? Почему он не считается столь же искусным воином?

– Я не люблю оружие, па, – вмешался Глинн. – Конечно, если придется, смогу действовать мечом, и наездник я неплохой, но я не выношу вида крови.

– Иисусе! – взорвался ап-Граффид, испепеляя взглядом несчастного мальчика. – Что же тебе по нраву, Глинн ап-Ллуэлин?

– Я... я люблю стихи, волшебные сказки и истории про героев, – прошептал Глинн.

Отец сурово нахмурился. Неужели он не любит слушать интересные истории?

– У парня задатки прекрасного барда, – вступился Морган. – Наш повар Гвилим обучил его игре на лютне и всему, что знает сам. Сегодня увидите, какого чудесного сказителя вы дали миру, господин мой!

– Девушка-воин и парень, распеваящий стишки! Иисусе! – Ап-Граффид с беспомощным видом осмотрелся по сторонам. – Ну и катавасия!

За спиной послышался стук копыт, и в ворота въехала группа охотников.

– Хей! Кузен Морган! – выкрикнул предводитель. – Мы привезли на ужин молоденького оленя!

Подъехав к Моргану, он бросил добычу к его ногам.

– Ронуин?! – ахнул принц, не зная, плакать или радоваться при виде юного сорванца, застывшего при звуке своего имени. В зеленых глазах что-то блеснуло.

– Кровь Христова, парни! Да это мой высокочтимый родитель! Сам принц решил навесить нас! – Соскользнув с седла, Ронуин с издевательским поклоном добавила: – Господин мой, я к вашим услугам.

Ап-Граффид пристально всмотрелся в дочь. Ничего не скажешь, история! Только груди выдавали ее пол, в остальном она ничем не отличалась от любого воина. Волосы грязные и коротко острижены. И вся она чумазая, как поросенок. Почему он надеялся, что она станет похожа на мать, хрупкую, изящную, нежную Валу?!

– Дьявол! – выругался он, в бешенстве оборачиваясь к Моргану ап-Оуэну. – Значит, так ты воспитал мою дочь? Сделал из нее самого закаленного солдата в Ситроле? Что это тебе взбрело в голову, Морган?

Но вспышка не произвела ни малейшего впечатления на ап-Оуэна.

– А чего ты ожидал, Ллуэлин? Десять лет назад ты бросил на мое попечение пятилетнюю девочку и трехлетнего малыша и с тех пор ни разу не приезжал, чтобы узнать, живы ли они. Я сделал все, что мог. Их кормили, одевали и любили! Именно любили: не родной отец, а грубые солдаты заботились о них как могли! И объясняли, что такое честь и долг по отношению к родителям и отчизне. Чего тебе еще?

– Мог бы объяснить, что она девушка! – проревел принц.

– Интересно, каким образом? Здесь нет ни одной женщины! Мы охраняем по твоему приказу границы. Да, иногда мои ребята навещают шлюх, но баб такого сорта мы сюда не приводим, да и ты бы не захотел, чтобы твоя дочь якшалась с ними, господин мой. И нечего жаловаться! Ронуин прекрасная девочка, пусть и не обучена кокетничать и жеманиться, как знатные леди, с которыми тебе пришлось иметь дело, господин мой. Не стоит винить меня за то, что ты представлял ее себе совсем иной. Если бы хотел, чтобы она приобрела навыки, присущие женщинам, отвез бы ее в аббатство, к своей сестре. А сейчас идем в зал. Продолжим наш спор за чашей пива.

Ап-Граффид, разразившись смехом, последовал за капитаном в зал, где стояли бочонки с яблочным пивом, хранившиеся с прошлой осени. Пиво оказалось крепким, чуть сладковатым.

Утолив жажду, мужчины уселись у очага, и принц объяснил причину своего приезда.

– Я выдаю Ронуин замуж, – объявил он. – Но жених ожидает увидеть воспитанную особу в красивом платье, а не эту сквернословницу и сорвиголову. А я-то воображал, что она пойдет в мать!

– Это еще почему? – отозвался Морган. – Перед глазами у нее был совсем другой пример.

С уст принца слетело очередное проклятие.

– Не мог бы ты найти для этого человека другую родственницу? – рассудительно осведомился капитан. – И вообще – ты дал себе труд признать Ронуин и Глинна своими детьми перед Господом нашим?

– Да, много лет назад. Аббат цистерцианского монастыря в Гуим-Эр стал свидетелем и хранит документы с моей подписью, – сообщил Ллуэлин. – Видишь ли, этот брак – часть договора, который я заключил с королем Генрихом в Монтгомери и в знак доброй воли

предложил Ронуин одному из баронов, владеющих землей с английской стороны границы. Его зовут Эдвард де Боло, лорд Торли из Хейвн-Касла. Привезя вместо Ронуин другую, я выставлю себя обманщиком перед королем Генрихом. Я не могу подвергать опасности все, ради чего столько лет трудился. Надеюсь, ты поймешь меня, Морган.

– Ты прав, Ллуэлин, и многое сделал для нашего народа, но что теперь будет? Вряд ли Ронуин хоть чем-то напоминает краснеющую, застенчивую невесту. – Капитан с усмешкой показал туда, где Ронуин бросала кости и бражничала в компании молодых воинов. – Правда, она сохранила невинность, – добавил старый вояка в утешение господину. – В этом я уверен. Ничуть не интересуется молодыми людьми, хотя последнее время ей приходится отбиваться от их ухаживаний. Даже покалечила двоих.

– Слава богу, хоть об этом не надо беспокоиться, – проворчал принц. – Придется и впрямь везти ее в Аббатство милосердия. Гуинллиан сумеет наставить ее в женских добродетелях. Нужно было с самого начала так и поступить. Возможно, и Глинну было бы там лучше. Рос бы спокойно, пока не пришло бы время отдать его на воспитание. Но я не хотел, чтобы о детях знали посторонние. Любой бесчестный человек не задумываясь воспользуется их беспомощностью. Кроме того, я боялся разлучать малышей, потерявших мать, но не прощу себе того, что не приехал раньше. Годы пролетели слишком быстро, а на собственных детей мне всегда не хватало времени. Хорошо еще, что они сумели выжить. Представляешь, как удивились англичане, узнав, что у меня есть взрослая дочь! Как они, должно быть, сокрушались, что не смогли держать Ронуин в заложницах все это время!

– Может, зря ты скрывал ее существование, – возразил капитан. – При дворе ее по крайней мере воспитали бы как принцессу. А Глинн? Его ты тоже заберешь?

– Нет, – покачал головой принц. – Они уже взрослые и могут жить друг без друга. Пусть остается здесь.

Морган прекрасно понимал, что это означает. Глинн пока не может принести пользы отцу, поэтому тот снова его бросает. Да, хорошего отца из Ллуэлина не получилось. Наверное, к лучшему, что он так и не женился. Глинн, конечно, расстроится, узнав о предстоящей разлуке с любимой сестрой. Но Ллуэлин по крайней мере не приказал сделать из мальчика настоящего воина. Здешние люди понимают его куда лучше, чем собственный родитель.

– Когда ты скажешь ей? – спросил капитан.

– Я должен увезти ее немедленно, потому что день свадьбы уже назначен. Она состоится через месяц. Нужно как можно быстрее добраться до аббатства. Ронуин, дочь Ллуэлина, ко мне! – позвал он.

Девушка неохотно поднялась, бросила кости одному из партнеров, сплюнула на пол, вразвалочку направилась к очагу и с оскорбительной вежливостью поклонилась.

– Что вам угодно, господин мой? – осведомилась она, и отец с облегчением понял, что, несмотря на ее внешность юноши и вызывающее поведение, голос у его дочери мелодичный.

– Садись, Ронуин, – предложил Морган, вставая.

Девушка растерянно взглянула на него, но послушалась.

Капитан отошел, и она осталась наедине с отцом. Интересно, что ему надо?

– Много ли ты знаешь о том, чего мне удалось добиться? – начал он.

– Достаточно, чтобы понять – ты великий воин.

– Несколько дней назад в Монтгомери я заключил договор с английским королем. Частью этого соглашения стало обещание заключить брак между моей кровной родственницей и английским лордом. Через месяц ты должна обвенчаться с лордом Эдвардом де Боло, владельцем замка Хейвн. Он не слишком знатного рода, но его предки были в родстве с одним из сыновей Генриха Первого, рожденного от наследницы Торли. Хейвн-Касл невелик, но земли его плодородны и обширны. Эта партия очень выгодна для тебя. Можно сказать,

тебе повезло, – распинался отец, внимательно наблюдая за реакцией дочери. Непонятно, о чем она думает! Не дождавшись ответа, он не выдержал: – Ну? Что скажешь?

– Что такое «брак»?

Ллуэлин ошеломленно разинул рот, но тут же поспешил сжать губы. Невероятно! Неужели она слабоумная? Нет... не может быть... скорее, ей просто не от кого было узнать о подобных вещах.

– Брак, – медленно выговорил он, – это законный и крепкий союз между мужчиной и женщиной. Тут нет ничего постыдного, Ронуин. Договор, подписанный мной и королем, требовал какого-то подтверждения прочности связей между Англией и Уэльсом. В подобных случаях обычай требует заключения брака между представителями обеих сторон. Ты понимаешь, что я имею в виду, дочь моя?

– Но в чем суть брака? – настаивала девушка. – Что требуется от меня? Мне с детства твердили о долге перед тобой, господин, и я не хотела бы наделать ошибок и навлечь позор на твоё доброе имя.

– Ты станешь женой... супругой Эдварда де Боло. От тебя требуется вести его дом и рожать ему детей.

Зеленые глаза слегка расширились, однако Ронуин больше никак не выказала беспокойства.

– Но я понятия не имею, как выполнить то, о чем ты сказал мне, господин мой! Нет ли у тебя еще какой-нибудь родственницы, более подходящей для выполнения столь важного поручения?

– К сожалению, нет, Ронуин. К тому же я дал слово, что моя дочь обвенчается с Эдвардом де Боло, и не могу нарушить клятву.

– Понимаю, – кивнула она, сообразив, что обет был делом чести. – Значит, это что-то вроде обязательства, верно?

– Да, – подтвердил Ллуэлин. Поразительно, что при таком невежестве его дочь так высоко ставит честь и долг. За это стоит поблагодарить Моргана. Он ожидал всего – слез, протестов, только не смирения.

– Мои наивность и незнание мира, лежащего за пределами Ситрола, могут принести немало неприятностей и оконфузить тебя, господин мой. Я не хочу, чтобы люди болтали, будто Ллуэлин ап-Граффид одурачил англичан, подсунув им невоспитанную, грубую и ни на что не пригодную невесту. Чем ты можешь помочь мне?

Ллуэлин посчитал вопрос достаточно разумным. Кроме того, ему понравилось, что она сознает свои недостатки и стыдится их.

– Завтра утром мы едем в Аббатство милосердия, где аббатиса – моя сестра, твоя тетка. Она поможет тебе стать такой, какой тебя ожидает видеть жених.

– А мой брат? Что с ним будет?

– Глинн останется здесь, – объяснил отец. – Пока он не может быть мне полезен. К тому же мальчик слишком юн.

Ронуин гневно встрепенулась, но промолчала.

– Ты ведь не любишь меня, верно? – осторожно осведомился Ллуэлин.

– Не люблю, господин мой. Ты дал мне жизнь и спас от смерти, но почему я должна питать к тебе теплые чувства? Ты никогда не выполнял своего родительского долга, разве что сделал для нас самую малость. Но и за эту малость мы с Глинном оплатим тебе преданностью и повиновением.

– У тебя есть чистая одежда? – перебил ее принц, внезапно устав от разговора.

– Только та, что на мне. Ты не присылал ни денег, ни тканей, а Ситрол – крепость небогатая. Мой кузен и его люди делали для нас все, что могли. Но если это тебя успокоит,

я постираю камзол и шоссы. Теплый ветер за ночь высушит их, и к утру они уже будут чуть влажными.

– И сама искупайся, – приказал он. – Что ты сделала со своими чудесными волосами, девочка?

– Длинные косы не помещаются под шлемом, мой господин! – резко бросила она.

– Оставь шлем здесь. Больше тебе не понадобится ни он, ни оружие, которым, по словам Моргана, ты так хорошо владеешь. Я должен привезти англичанам нежную девственницу, а не воина в обличье женщины, который внушит им ужас и заставит поверить, что ты намерена расправиться с женихом.

К его удивлению, Ронуин громко рассмеялась:

– Я не похожа на других своих сверстниц, не так ли, господин мой?

– Совершенно не похожа, – признался он. – Иди с миром, дочь моя.

Ронуин поспешила на кухню, где брат, как обычно, беседовал с Гвилимом, и выложила им все. Закончив, она обратилась к повару:

– Мне нужна твоя помощь, Гвилим.

– Ради тебя я на все готов, Ронуин, – улыбнулся тот.

– Не вскипятишь ли мне воды, чтобы я смогла хоть немного оттереть грязь с одежды? Отец приказал мне выстирать ее и вымыться самой. Глинн, сбегай попроси у Моргана его лишнюю рубашку. Нужно же мне что-то надеть, пока я стираю и сушу вещи!

Глинн помчался выполнять поручение сестры.

– После того как накормлю мужчин, – пообещал Гвилим, – мы повесим твою одежду у огня, чтобы скорее просохла. Боюсь, ветер слишком холодный. После ужина, пока я буду развлекать воинов, ты займешься стиркой. Я предупрежу, чтобы тебя не беспокоили.

Гвилим сдержал слово. Ронуин долго стирала рубашку и шоссы, тщательно выбила пыль из туники и, развесив все перед очагом, начистила, как могла, поношенные сапоги. Потом заперла двери, разделась и ступила в маленькую дубовую лохань. Вода еще не остыла, и Ронуин с удовольствием потянулась. В тех редких случаях, когда выпадала возможность искупаться, она, подобно своим товарищам, ныряла в ближайший ручей. Но в холодной воде долго не просидишь!

Последним оставшимся у нее обмылком она тщательно намылила волосы и тело. Ополоснувшись, Ронуин вылезла и растерлась куском грубой ткани. Впервые в жизни она оставалась совершенно обнаженной. Морган неизменно настаивал, чтобы она мылась в сорочке.

Девушка с любопытством принялась исследовать свое тело. Грудь, похоже, с каждым годом все увеличивались. Между бедрами курчавилась густая поросль – чуть темнее, чем волосы на голове. Но поскольку она как-то случайно увидела нечто подобное у Глинна, это не волновало ее так, как зазорные упругие холмики.

Натянув сорочку, она уселась на лавку и принялась расчесывать свои короткие светлые завитки.

Из зала доносилось слаженное пение Гвилима и Глинна. Ронуин поднялась по лестнице в зал и пробралась к своему тюфяку. Теперь они с Глинном спали по отдельности. Так несколько лет назад решил Морган, посчитавший, что они слишком взрослые, чтобы прижиматься друг к другу по ночам. Брат пел балладу о потерянной и вновь обретенной любви. Ронуин ощутила, как потяжелели веки...

Глинн разбудил ее перед рассветом, потряхнув за плечо.

– Что теперь будет со мной, Ронуин? Почему па бросает меня одного? – спрашивал он, обнимая сестру за плечи в поисках утешения.

– Говорит, ты еще не совсем вырос и не можешь быть ему полезным, – ответила она.

– Я боюсь, – шепнул он.

– Не стоит, – убеждала Ронуин. – Тебе ведь хорошо с Морганом, нашим родственником, и Гвилимом. Оба любят тебя, как сына.

– Многие меня не терпят. Говорят, из нас двоих настоящий сын – это ты.

– Нечего слушать чушь! – фыркнула Ронуин, мечтая добраться до тех негодяев, что обижают брата.

– Но мы никогда не расставались, Ронуин, – сокрушенно бормотал Глинн. – Куда па тебя увозит? Почему я не могу поехать с тобой?

– Я должна многому научиться. Ты не можешь жить в Аббатстве милосердия. Это место только для женщин. Но когда я выйду замуж, то попрошу супруга позволить тебе приехать и жить с нами, Глинн. За пределами Ситрола лежит огромный мир. Судьба не предназначила тебе стать солдатом, подобно отцу. Но чему ты можешь выучиться здесь, в Ситроле? Никому не говори о том, что я тебе сказала, кроме Моргана и Гвилима. Я никогда не лгала тебе, братец, и обещаю, что пошлю за тобой, как только смогу. – Она поцеловала его в щеку и ласково столкнула с тюфяка. – Пойди на кухню и принеси мне одежду.

Глинн убежал, и Ронуин осталась в темноте. Ей отчего-то было не по себе. Сегодня она навсегда покинет свой дом, а значит, и владения отца. Что ждет ее в Англии? Увидит ли она и там зеленые холмы и залитые солнцем долины? Какой он, этот лорд, предназначенный ей в мужа? Понравится ли она ему? Но какое это имеет значение? На нее возложат важные обязанности, и она выполнит их, чтобы не опозорить отца.

Вернулся Глинн с вещами, и Ронуин залезла поглубже под шкуры, чтобы одеться. Потом вскочила, небрежно расчесала пальцами волосы, и натянула сапожки, поставленные Глинном возле тюфяка. Они немного жали – очевидно, ее ноги все еще растут.

Одернув тунику, Ронуин туго подпоясалась и сунула в ножны кинжал с костяной рукояткой.

Проснувшиеся мужчины спешили во двор. Гвилим принес котелок с овсянкой и принялся наливать ее в круглые корки караваев, мякиш из которых предварительно вынули. Ронуин сидела на своем обычном месте рядом с Глинном и молча жевала. Морган и Ллуэлин устроились выше, тихо беседуя. Время от времени они посматривали на нее, и Ронуин гадала, о чем они переговариваются. Должно быть, о ней. Остальные еще не совсем проснулись.

Наконец принц поднялся:

– Нам пора. Ронуин, ты готова? Где твои вещи?

– Мне нечего взять с собой, господин. Ты велел оставить оружие здесь.

Ллуэлин ап-Граффид взглянул на дочь, казавшуюся удивительно беззащитной и молодой. Она чисто вымыта, но теперь еще заметнее, что одежда выношена едва ли не до дыр и так же проста, как у любого солдата. Скромная коричневая туника делала лицо Ронуин совсем бледным, и на минуту ему стало стыдно, что он так мало думал о единственной дочери и приехал, лишь когда в этом возникла необходимость.

– Прощайся, девочка, – проворчал он, выходя из зала.

Воины столпились вокруг – это были мужчины, что вырастили и воспитали ее. Прерывающимися голосами они наставляли Ронуин быть хорошей девочкой и не забывать их. Желали доброй удачи и отходили по одному. А Морган ап-Оуэн, которого она любила больше всех, прошептал:

– Это твой дом. Я твой родственник. Если понадобится, я приеду.

Потом поцеловал ее в щеку и вывел во двор, где уже ожидали отец с братом.

Судя по красным глазам Глинна, тот плакал. Ронуин поспешно обняла его.

– Не нужно, – взмолилась она, – иначе я тоже разрыдаюсь. Потерпи, и я пришлю за тобой, братец. Здесь ты в безопасности.

– Ты даже слезинки не проронила, – тихо ответил он. – Ты сильнее меня.

– А ты – умнее, – возразила она, целуя его мокрую щеку. – Я люблю тебя, Глинн. Мы скоро увидимся.

Глинн усмехнулся:

– Па видит, каким я вырос, но слишком мудр, чтобы попытаться заставить меня измениться. Я сочиню балладу о тебе, Ронуин. Увидишь, все станут громко всхлипывать, когда я спою ее, сестричка.

Они снова обнялись и долго стояли так, пока не раздался хриплый голос ап-Граффиды, окликавшего дочь.

– Когда приедешь ко мне, – наставляла Ронуин, – привези мое оружие, только тайком. Никому не говори. Понял?

Она посмотрела ему в глаза и снова улыбнулась.

Пришла пора расставаться. Ронуин вскочила на серого жеребца с черной гривой, которого Морган добыл для нее два года назад, когда девушка переросла свою смирную старую кобылку. Этот жеребец был настоящим свирепым зверем с огромными копытами. Ап-Граффид удивился ловкости дочери.

– У нее выносливый конь, – пояснил Морган. – Я хотел, чтобы Ронуин владела надежным скакуном.

Принц выехал из ворот и помчался вниз по холму, Ронуин держалась рядом. Они не разговаривали. Отряд сопровождения держался позади. Ронуин неожиданно сообразила, что даже конский топот не отдается громом, как обычно. Вряд ли враг услышит их. Когда солнце стояло уже высоко на небе, они остановились.

– Если хочешь облегчиться, – сказал ап-Граффид дочери, – беги в кусты.

Она последовала его совету и забралась глубоко в заросли. Когда Ронуин вернулась, отец протянул ей ломоть хлеба с сыром. Девушка ела быстро, набивая рот. Принц передал ей мех, и она не задумываясь глотнула. Судя по вкусу, это был сидр.

Немного отдохнув, они вскочили на коней. Пересекая цветущий луг, Ронуин тихо спросила:

– Сколько времени мы пробудем в пути, господин мой?

– Завтра к полудню доберемся до места.

Она хотела предложить добыть дичи к ужину, когда вспомнила, что с ней нет лука. Ронуин тихо выругалась, и принц усмехнулся:

– Тебе не пристало произносить такие слова, дочь моя. Леди не сквернословят, и, боюсь, тетка наставит тебе синяков, если услышит что-то подобное.

– Ей лучше не поднимать на меня руку, – мрачно предупредила Ронуин. – Я не животное и никому не позволю меня бить.

– Неужели Морган не наказывал тебя за непослушание? – удивился отец.

– Он считал, что не имеет права плохо обращаться с твоими детьми. Кроме того, у него были другие способы настоять на своем. Он просто запрещал мне садиться на лошадь или отнимал лук. А Глинн редко проказничал. Достаточно строгого взгляда, чтобы он заплакал. Мой брат – тихий мальчик. Участь солдата не для него, но он обладает другими способностями и найдет свое место в этом мире.

Принц ничего не ответил. Человек он был неглупый и понимал, что имела в виду дочь. Кроме того, она права – он породил то ли священника, то ли барда. Как только определится, любит ли парень женщин, все будет решено. Но ему не слишком хочется иметь еще одного священника в семье. Довольно с него и сестры-аббатисы.

Ап-Граффид хмуро усмехнулся. Вот удивится Гуинллиан, узнав о его детях! Она всегда требовала, чтобы он женился и завел наследников, а он неизменно отвечал, что не сделает этого, пока Уэльс не получит независимость. Что ж, это чистая правда. Вала была готова

ждать, никогда не ныла, не жаловалась. В отличие от многих жен. Но вскоре ему понадобится знатная невеста из могущественного рода, чтобы помочь сохранить отвоеванное.

Ллуэлин искоса взглянул на дочь. Свою истинную дочь, унаследовавшую его характер. К счастью, он всегда являлся вовремя. Сначала спас детей от смерти, сейчас как раз подоспел, чтобы помешать Ронуин окончательно превратиться в солдата. Гуинллиан предстоит немало потрудиться. Девушка крайне невежественна и груба. Придется сделать дорогой подарок аббатству за превращение дерзкой негодницы в нежный цветок и краснеющую невесту Эдварда де Боло, но кто, кроме Гуинллиан, способен этого добиться?

Они остановились, только когда солнце скрылось на западе. Развели костер, разбили лагерь и поджарили кроликов, пойманных днем. Лошадей напоили из ручья и, стреножив, пустили пастись. Потом путники поужинали сами и улеглись у огня. Ронуин впервые спала под открытым небом и поэтому была немного взволнована и испугана. Ночные шорохи казались ей куда более громкими и таинственными. Все же ей удалось немного вздремнуть, прежде чем принц разбудил своих людей. Было еще совсем темно, когда они оседлали коней. Ронуин поежилась от промозглой сырости.

Позавтракать они не успели, но ап-Граффид на скаку вручил дочери овсяную лепешку, жесткую и безвкусную. Девушка сжевала ее, и урчание пустого желудка унялось. Ей так не хватало горячей овсянки Гвилима!

Они ехали до полудня, снова передохнули, напоили лошадей и отправились в дорогу. Вокруг расстилались прекрасные пустынные места. Ни ферм, ни замков.

Уже на закате они перевалили через гору и оказались в зеленой долине, на краю которой раскинулись каменные строения, казавшиеся мрачноватыми и суровыми в неярком сумеречном свете. Услышав странные звуки, Ронуин обернулась к отцу:

– Что это такое, господин мой?

– Звон церковного колокола. Неужели не знаешь? – удивился ее невежеству отец.

– Я даже не понимаю, что такое церковь, господин мой.

Ап-Граффид невольно усмехнулся. Да, Гуинллиан придется нелегко. В детстве старшая сестра всегда стремилась командовать братом. Ничего, теперь дочь достойно отомстит за отца. Он готов поспорить, что такой подопечной сестрица сроду не видывала. Жаль, он не сможет стать свидетелем бесчисленных стычек в этом поединке характеров. Только сейчас ему пришло в голову, насколько похожи Ронуин и Гуинллиан. Смех да и только!

– Что вас так развеселило, господин мой? – осведомилась Ронуин.

– Да так, ничего особенного, – отмахнулся он. – Смотри, это и есть Аббатство милосердия.

– Интересно, что меня там ждет? – вздохнула Ронуин.

– Возможно, ничего хорошего, – честно ответил ей отец. – Тебе многому нужно научиться, причем за очень короткое время. Крайне важно, чтобы ты усвоила как можно больше, иначе в глазах посторонних я покажусь лжецом. Знаешь, у меня и так немало врагов.

– Меня почему-то это не удивляет, – сухо заметила она.

Ллуэлин снова рассмеялся. Ему, как ни странно, была по душе прямота дочери.

– Придется исполнить свой дочерний долг, Ронуин. Тебя ждет немало трудностей, но я знаю: тебе все по плечу. Мне сказали, ты не из тех, кто презирает долг и верность.

– Мой родич Морган ап-Оуэн чересчур добр, – улыбнулась Ронуин, – но он не лжет. Я сделаю все возможное, чтобы не подвести тебя, господин мой, и сдержу клятву.

Глава 3

Гуинллиан, госпожа аббатиса Аббатства милосердия, высокомерно задрал тонкий длинный нос, уставилась на брата, настолько похожего на нее, что всякий принимал их за близнецов.

– Что, о принц Уэльский, привело тебя в мою скромную обитель? – спросила высокая тощая особа, казавшаяся еще выше и стройнее в своем черном одеянии и белоснежном апостольнике. На плоской груди покоился крест черного дерева, оправленный в серебро, с серебряной лилией в центре.

– Неужели я не могу навестить свою единственную сестру без особого повода? – жизнерадостно воскликнул Ллуэлин. Иисусе! Как же ему ненавистна роль просителя!

– В последний раз я видела тебя шесть или семь лет назад, Ллуэлин, когда ты искал деньги на бесконечные войны с англичанами или своими соотечественниками. Так что переходи прямо к делу, братец, и объясни, что тебе понадобилось на этот раз, – строго объявила она. – Хватит с меня любезностей и недомолвок!

Ап-Граффид обернулся и вытащил вперед прятавшуюся за его спиной Ронуин:

– Это моя дочь.

Аббатиса моргнула. Из горла вырвался странный звук – нечто вроде хрипа. Но мужественная женщина сумела взять себя в руки и покачала головой:

– Ничего не скажешь, Ллуэлин, впервые в жизни ты меня поразил. Надеюсь, ты уверен в своем отцовстве?

Аббатиса немедленно пожалела о неосторожных словах. Достаточно было присмотреться к девушке, чтобы понять правду.

– Ее мать была моей любовницей, – начал принц, – и подарила мне двоих детей, дочь и сына. Она умерла, рожая моего третьего ребенка. Я случайно оказался у ее дома на следующий день после трагедии и успел спасти детей. Пришлось привезти их в Ситрол. Мальчик, Глинн, все еще там.

Гуинллиан снова посмотрела на стоявшую рядом с братом девушку. Что-то не похоже она на беззащитную сиротку. Скорее напоминает человека, закаленного невзгодами и вполне способного позаботиться о себе.

– И как давно ты оставил своих отпрысков в Ситроле? – осведомилась она, боясь услышать правду.

Ллуэлин виновато покраснел.

– Десять лет назад, – признался он.

– Десять лет и семь лунных циклов, – неожиданно поправила девушка, наградив отца уничтожающим взглядом.

– Почему вдруг решил привезти ее сюда? – допытывалась аббатиса.

– Я провел лето в Шрусбери, добиваясь заключения договора с английским королем Генрихом. Мой союзник де Монфор мертв, а Эдуард, старший сын Генриха, – человек жестокый и неуступчивый. Соглашение было подписано в Монтгомери в конце октября. Ты знаешь обычаи, Гуин. Я предложил англичанину обвенчать свою дочь с одним из его лордов.

– Но, приехав за ней, ты обнаружил то, чего совсем не ожидал, верно, Ллуэлин? – усмехнулась аббатиса и шагнула к племяннице: – Как тебя зовут, дитя, и что ты сделала со своими волосами? Кстати, сколько тебе лет?

– Я Ронуин, дочь Ллуэлина, и мне нравится, когда волосы коротко острижены.

– Первого апреля ей исполнилось пятнадцать, – добавил ап-Граффид.

– Кто ее воспитывал?

– Морган ап-Оуэн, начальник гарнизона в Ситроле, – пробормотал принц.

– Неужели в крепости не было ни одной женщины?! – ахнула потрясенная аббатиса.
– Женщинам там не место, – покачал головой Ллуэлин.

– Верно, но ты бросил там дочь! Клянусь, никогда не видела человека, более безмозглого и беспечного, чем ты! Не пойму, как тебе удалось стать принцем при таких способностях! – гневно воскликнула Гуинллиан. – Неужели не мог сразу привезти девочку ко мне? И чего теперь ожидаешь? Каких чудес?

– Ситрол ближе всего находился от дома их матери, а оттуда до аббатства почти три дня пути. У меня не было времени.

– А приказать Моргану, чтобы доставил детей сюда, ума не хватило?

– Она не годится в жены ни одному мужчине, – с отчаянием признался Ллуэлин.

– Значит, успела стать шлюхой? – взорвалась аббатиса.

– Никогда не была ею и не буду, – отрезала Ронуин.

– Нет, сестра, вовсе нет! Беда в том, что она совершенно невоспитанна. И донельзя невежественна. Морган и его люди по-своему любили и оберегали детей, но смогли научить только тому, что сами знали. Моя дочь стала настоящим воином и готова в любую минуту отправиться в битву. Целыми днями она возится с лошадьми и оружием. Словом, мой достойный преемник. В отличие от нее мой сын предпочитает сочинять песни и баллады и годится либо в священники, либо в барды. Воин из него никудышный. Но ты должна наставить Ронуин в женских добродетелях, превратить из парнишки в девушку. Как я могу отдать ее мужчине, если она даже не знает, что такое брак, и говорит только на нашем языке, не зная ни слова по-норманнски? Ронуин не умеет носить женские наряды, много лет не надевала юбку. Она считается христианкой, сестра, но понятия не имеет о религии и вере. Говорит «лунные циклы», а не «месяцы», и я даже не знаю, начались ли у нее женские недомогания. Помоги, Гуинллиан, хоть немного приручить ее... облагородить, чтобы через месяц я со спокойной душой увез ее к Эдварду де Боло в Хейвн-Касл.

Аббатиса громко расхохоталась:

– Всего месяц? Ты спятил, Ллуэлин! Что можно сделать за месяц с этой оборванной, лохматой, злобной кошкой? Постараюсь, разумеется, но если она откажется повиноваться, значит, тебе не повезло, братец. Как мог ты обещать кому-то дочь, которую не видел десять лет? О чем ты только думал?

– Но как же теперь быть, Гуин? – промямлил Ллуэлин, растерянно ероша темные волосы.

– Ты поняла, о чем идет речь, дитя мое? – обратилась аббатиса к Ронуин.

– Да, господин объяснил, что брак – это нерушимый и крепкий союз между женщиной и женщиной. Это дело чести, и мой долг по отношению к принцу – выполнить все принятые им обязательства. Я сделаю все, чтобы не опозорить наш род, – сказала девушка.

– Что ж, – заметила аббатиса, – пусть она не слишком образованна, зато умна. Ронуин, ты хочешь выйти замуж за Эдварда де Боло?

– Разве у меня есть выбор?

– Боюсь, нет, – покачала головой почтенная дама.

– Тогда я согласна, – холодно заверила Ронуин.

– Тебе многому придется учиться.

– В таком случае возьмите на себя труд научить меня, – бросила девушка.

Аббатиса обернулась к брату:

– Передай Эдварду де Боло, что твоя дочь воспитывается в Аббатстве милосердия и покинет эти стены в начале апреля. В Хейвн-Касл будет отправлен гонец с извещением о ее приезде, но она прибудет туда в середине месяца. И не забудь упомянуть, что сам привезешь дочь. Вряд ли твой будущий зять станет противиться такому порядку дел. Ему и самому

наверняка нужно многое уладить до появления невесты, – предположила аббатиса и с мрачной улыбкой добавила: – Но помни, братец, тебе это дорого обойдется.

– Знаю, – буркнул тот.

– Я составлю список всех требований, и ты беспрекословно выполнишь каждое.

– Все что пожелаешь, Гуин, – пообещал он.

Аббатиса вновь повернулась к племяннице:

– Вот твой первый урок, дитя. Ты должна обращаться ко мне «госпожа аббатиса» и никак иначе. Тебе ясно, Ронуин?

– Да, госпожа аббатиса.

– Превосходно, – улыбнулась монахиня.

Ронуин решила, что тетка ей нравится хотя бы потому, что понимает племянницу, как никто до этого.

Аббатиса взяла со столика колокольчик и позвонила. Почти немедленно в комнате возникла еще одна женщина в темном одеянии.

– Что угодно, госпожа аббатиса?

– Сестра Кэтрин, это моя племянница. Поживет с нами несколько месяцев, готовясь к браку с лордом Торли. Невинная душа, она росла в уединении и воспитывалась шайкой язычников. Отведите ей келью в странноприимном доме. Ронуин, ты останешься там, пока я не пошлю за тобой. Попрощайся с отцом, дитя мое.

– Господин мой, – учтиво поклонилась Ронуин.

– Я вернусь за тобой весной, – пообещал Ллуэлин.

– Неужели? – лукаво засмеялась девушка. – Мне только остается на это надеяться.

Увидев, как побагровело лицо брата, аббатиса едва сдержала улыбку.

– Это совсем другое дело, – процедил он. – Вопрос чести!

Ронуин слегка наклонила голову, прежде чем последовать за сестрой Кэтрин.

– У нее твой нрав, – весело констатировала Гуинллиан.

– Посмотрим, будешь ли ты так же веселиться, когда познакомишься с ней поближе, – парировал он. – А теперь пиши свой проклятый список, сестрица.

– По здоровом размышлении я поняла, что в этом нет необходимости. Сейчас перечислю, что именно мне требуется, – и никаких возражений. Оплатишь расходы на обучение дочери. Наш монастырь небогат, поэтому немедленно отправишься в Херефорд и купишь дорогих тканей, чтобы сшить твоей дочери подобающую одежду. Отвезешь туда же мерку с ее ноги и закажешь красивые башмачки. Выберешь накидки, вуали, перчатки, драгоценный пояс и украшения. Она твое дитя, Ллуэлин, а если ты принц, значит, Ронуин – знатнейшая леди Уэльса. Когда будешь в Херефорде, зайди в монастырь Святой Марии, на восточной окраине города. Мне сказали, он совсем маленький и нищий, но владеет мощами, которые я хотела бы видеть у себя в аббатстве. Обрезок ногтя самого Святого Катберта, в золотом, усыпанном драгоценными камнями реликвиарии, стоит на алтаре в их часовне. Заплати, сколько попросят, но привези мне это, Ллуэлин!

– Хочешь, чтобы я отправился в Англию и торговался с монахинями за мощи?! До или после того, как я приобрету ткани, безделушки и другие тряпки для дочери?! – рявкнул Ллуэлин. – Назови цену, Гуинллиан, и я не стану возражать, но сам никуда не поеду. У меня полно других дел! Кто будет сохранять мир в этой стране?

– Никакого мира тебе не видать, братец, если не выдашь дочь за англичанина, а в таком виде ее нельзя показывать людям. От нее попросту откажутся и заявят, что ты оскорбил и обманул короля. Не настолько мы здесь удалены от мира, чтобы не знать, каким опасным врагом может стать принц Эдуард. Я предупреждала, что не потерплю пререканий. Ронуин может остаться здесь, пока ты не привезешь требуемое, о принц Уэльса! Когда вернешься, мы начнем ее обучение, но ни минутой раньше. – Гордо выпрямившись во весь свой рост, она

строго воззрилась на брата. – Чем дольше ты будешь тянуть, тем меньше времени останется мне для превращения упрямого барана в нежную овечку.

– Ну и кремень же ты, – посетовал он. – Всегда была невыносимой и своевольной! Похоже, Ронуин пошла не столько в меня, сколько в тебя. Так и быть, добуду я твой ноготь, а если понадобится, украду. Ты получишь его, сестра, и тогда тебе придется выполнить свое обещание.

– Никаких краж, – мрачно предупредила аббатиса, – иначе я не смогу выставить мощи на всеобщее обозрение. Имя Святого Катберта привлечет сюда многочисленных паломников, так что подобная реликвия принесет нам много благ.

– Монастырю Святой Марии она не слишком помогла, – напомнил Ллуэлин.

– Потому что за все это время они ни разу не объявили о чуде, – усмехнулась аббатиса. – Но я уверена, что у нас все обернется по-другому и, к вящей славе Господней и его святых, Аббатство милосердия станет средоточием паломничества в Уэльсе. Я сердцем это чувствую.

– Ну и хитра ты, Гуинллиан! – хрипло засмеялся Ллуэлин. – Я благодарю Бога, что ты не родилась мужчиной. С нашими братьями, Оуэном, Даффидом и Родри, справиться было легче легкого, но ты, сестрица, сильнее их троих, вместе взятых. Неудивительно, что ты стала аббатисой.

– Всегда помни, Ллуэлин, что я в отличие от наших братьев ровня тебе, – заявила монахиня.

– И это все твои требования? – сменил тему Ллуэлин.

– Нет, разумеется. Мне нужен молодой баран, двадцать овец и кошель с десятью полновесными золотыми монетами. Смотри, чтобы ни одна не была обрезанной. Вот и все, – закончила она, весело блеснув глазами.

– Ты разоришь меня, сестра! Овцы – еще куда ни шло, но где я раздобуду столько золота?

– Никаких пререканий, Ллуэлин! – категорично отрезала Гуинллиан.

Ллуэлин выругался, чрезвычайно грязно и затейливо, но аббатиса лишь рассмеялась:

– Давно я не слышала таких слов, братец!

– Тебе лучше позаботиться о том, чтобы моя дочь сумела потягаться с любой принцессой, после того как выйдет отсюда, – напомнил он.

– Сумеет, – заверила аббатиса и, чуть смягчившись, добавила: – Уже стемнело, братец. Могу я предложить тебе и твоим людям убежище на ночь?

– Нет! – прорычал он. – Если останусь тут еще хоть на минуту, боюсь, руки потянутся к твоей шее. Луна светит ярко. Мы отправляемся в путь. Я попрощался с Ронуин и теперь желаю всего хорошего тебе.

Небрежно кивнув, он с громким топотом удалился.

Аббатиса мягко улыбнулась, чуть поморщившись при стуке захлопнувшейся двери. Короткий визит брата обернулся для аббатства большой выгодой. Ллуэлин выполнит любую просьбу сестры, потому что для него очень важен договор с англичанами.

Но тут Гуинллиан задумалась. Ей предстоит выполнить тяжелейшую миссию, и она обязана добиться успеха.

Аббатиса вспомнила, что брат не захватил мерку с ноги Ронуин, и, позвав монахиню, велела бежать за принцем и просить его немного обождать. Та мигом исполнила приказание.

Гуинллиан вышла во двор и направилась в странноприимный дом. Там уже сидели сестра Кэтрин и Ронуин. Аббатиса отпустила монахиню и присела рядом с девушкой у жаровни.

– Что ж, он уехал. Я запросила с него высокую цену за свою помощь, дитя мое, но ты должна трудиться день и ночь. Я всегда могу взять верх над твоим отцом и его братьями, – усмехнулась она. – Ты ведь никого из них не знаешь, верно?

– Нет, госпожа аббатиса. Морган, правда, говорил, что принц сверг и заточил в темницу старшего и среднего братьев. Самый младший, Родри, – человек мягкий и нечестолубивый. Наверное, похож на моего брата Глинна.

– Для объединения Уэльса нужен один правитель, – ответила аббатиса. – Твой отец не любит преклонять колени ни перед кем. Даже перед Создателем. Покорился только англичанам, и то лишь потому, что надеется с их помощью получить желаемое.

– Тут нет ничего постыдного, – решила Ронуин.

– Вижу, ты практичная девушка, – одобрительно кивнула аббатиса. – Это неплохо. Я сказала твоему отцу, что не примусь за твое обучение, пока он не выполнит данного мне обещания, но это неправда, хотя, поверь, он ни разу еще не поймал меня на лжи. Тебе столько всего нужно узнать, что придется начать завтра же, иначе даже через полгода ни за что не сойдешь за знатную даму. Ллуэлин из кожи вон вылезет, чтобы угодить мне. А теперь ответь, дитя, рядом с тобой никогда не было женщин?

– Нет, с тех пор, как умерла мама, – отозвалась Ронуин и, осмотрев маленькую комнату, спросила: – Я буду здесь жить одна, госпожа аббатиса? Никогда не жила в одиночестве.

Гуинллиан покачала головой:

– Здесь обитают две молодые послушницы, как раз твоего возраста. Они будут ночевать с тобой, так что не беспокойся. Днем, конечно, им придется выполнять свои обязанности, но и у тебя дел будет немало. Девушки разделят с тобой комнату, вы станете вместе есть в трапезной, ты сможешь гулять в саду. К сожалению, здесь нет монастырской школы, и ты будешь единственной ученицей, дитя мое.

– А что с моей лошастью? – вдруг встревожилась Ронуин.

– Она в конюшне. Будешь делать успехи в обучении – и я разрешу тебе ездить верхом.

– Но Харду необходимо разминаться каждый день, – возразила Ронуин.

– Можешь водить его в поводу перед занятиями, дитя мое, но пока никаких прогулок верхом. И одно из твоих первых заданий – полное послушание, а это означает, что ты во всем должна повиноваться старшим, как в свое время Моргану ап-Оуэну. Покорность и хорошие манеры способны затушевать множество грехов и недостатков, дитя мое. Ты росла среди грубых мужчин. Знаю, сердца у них добрые, ибо вижу, что ты тоскуешь по ним, но воины – не лучший пример для молодой девушки. Пойдем со мной, я отведу тебя в трапезную. Сегодня я разрешаю тебе и выбранным мной компаньонкам пропустить вечернее богослужение, но с завтрашнего дня ты должна ежедневно посещать мессу. Ты ведь ничего не знаешь о Господе нашем и Спасителе Иисусе Христе, не так ли? Какой позор! Но не стыдись своего невежества, Ронуин. Уверена, ты быстро всему обучишься. Я вижу, ты умна и сообразительна не по годам.

Ронуин едва ли не впервые в жизни растерялась и нерешительно последовала за теткой в трапезную. Оказывается, женщины, живущие в аббатстве, назывались монахинями или сестрами. Все, кроме Гуинллиан, к которой было положено обращаться «преподобная матушка» или «госпожа аббатиса». Здесь, как и в крепости, существовало несколько рангов, согласно положению монахинь в аббатстве. Ее компаньонки Элен и Арлейс считались послушницами, то есть стояли на самой низкой ступеньке в этой крохотной общине. Всего послушниц было пять. Они провели здесь много лет и готовились принять обеты бедности, целомудрия и покорности. Ронуин многое знала о бедности и покорности, а теперь ей объяснили, что целомудрие – это готовность всегда оставаться чистой, не бегать в кусты с мужчиной или делать то, что вытворяли отец с ее матерью.

Монахини посвящали жизнь Богу, верховному существу, о котором в Ситроле почти не говорили. Элен и Арлейс каждый вечер занимались с Ронуин. Они находили ее весьма необычной, поскольку никогда не встречали подобной девушки, но относились с почтением – ведь она была племянницей аббатисы и дочерью принца. Обе послушницы родились в семьях свободных крестьян, имевших собственную землю. Несмотря на разницу в происхождении и воспитании, все трое прекрасно ладили и вместе ходили к заутрене в шесть и высокой мессе в девять часов. Ронуин, кроме того, посещала вечерню, незадолго до полуночи, но аббатиса освободила ее от остальных пяти служб. После заутрени Ронуин завтракала овсянкой, обычно налитой в небольшую хлебную корку, и яблочным сидром, а потом до самой высокой мессы сидела вместе с сестрой Мейр, обучаясь выводить буквы и цифры. Сестра Мейр переписывала и украшала цветными рисунками рукописи, которые аббатство продавало в богатые дома. После высокой мессы тетка наставляла Ронуин в латыни и языке норманнов. К восторгу аббатисы, оказалось, что у ее племянницы большие способности к языкам. Она все схватывала на лету и куда быстрее, чем ожидалось. Уже через месяц Ронуин читала по-латыни молитвы на всех службах, да так уверенно, словно ей с рождения вдалбливали слово Божье. То же относилось и к норманнскому языку – Ронуин вскоре свободно болтала с теткой на самые различные темы. Гуинллиан ежечасно благодарила Создателя за успехи племянницы. Господь поистине свершил чудо!

После обеда Ронуин присоединялась к поварихе, сестре Уне, чтобы наблюдать, как готовится еда. Тут ее способности были куда скромнее, и сестра Уна часто жаловалась, что Ронуин способна сжечь даже воду. Лекарка, сестра Дикра, оказалась куда добрее, тем более что Ронуин с величайшей ловкостью составляла целебные мази, настои, сиропы и отвары, способные излечить кашель, простуду и раны.

– У девочки просто дар, преподобная матушка, – хвалила сестра Дикра.

– По крайней мере будет сама лечить людей, если у них случится недомогание от ее стряпни, – язвительно заметила сестра Уна.

– Ей ни к чему готовить самой, – заметила аббатиса. – Достаточно присматривать за кухарками. В замке наверняка есть стряпуха. Ты обучила ее варить мыло для стирки и мытья?

– Завтра начнем, – пообещала сестра Уна. – Надеюсь, что у нее получится, иначе ходить им в грязи до скончания века.

– Сестра Брейт, – продолжала допрашивать матушка, – как идут дела с вышиванием, шитьем и ткачеством?

– Еле-еле, – вздохнула монахиня. – У Ронуин терпения не хватает. Считает шитье и вышивание глупыми занятиями. Правда, она любит ткать. Говорит, будто это ее успокаивает. Я показала ей, как прясть, и похоже, она это усвоит.

И все же они продвигались вперед – временами медленно, в чем-то быстро, но продвигались.

– Из Херефорда прибыли ткани, – как-то объявила аббатиса. – Придется самим заполнить сундук с приданым.

– А мощи? – поинтересовалась сестра Унифрид.

– Брат прислал весточку, что заплатил за них огромные деньги и привезет сам.

Через несколько дней появился принц в сопровождении двух воинов и вручил сестре драгоценный реликварий.

– Мне он обошелся в двадцать золотых флоринов! – бушевал Ллуэлин. – Матери-настоятельнице монастыря Святой Марии во Вратах следовало бы родиться менялой! Она торговалась со мной до седьмого пота! Надеюсь, мои усилия того стоили!

– Хочешь взглянуть на дочь? – спросила аббатиса, глядя золотой ящичек.

– Значит, вы все-таки начали! – обрадовался он.

– Разумеется. Ничего не поделаешь – иначе мы не успеем к весне.

Позвонив в колокольчик, она велела монахине позвать Ронуин. Увидев дочь, принц изумился. Одета в изящное голубое платье с длинными узкими рукавами, подпоясанное крученой золотой тесьмой, она казалась неземным видением. Золотистые волосы немного отросли, и доходили почти до плеч. На голове красовался венок из живых цветов. Девушка поклонилась сначала тетке, потом отцу.

– Посылали за мной, госпожа аббатиса?

– Твой отец хотел увидеть тебя перед отъездом, – объяснила Гуинллиан.

– Она говорит по-норманнски! – возбужденно воскликнул ап-Граффид.

– Я учусь, господин мой. Мне сказали, что англичане часто говорят на нем, хотя у них есть и другой язык.

– Но ты учишь тот, на котором объясняется знать. Поразительное превращение! Сестра, ты уверена, что она не готова к отъезду?

– Нет, Ллуэлин, конечно, пока рано. Не стоит так спешить. Нам еще многое предстоит сделать, не говоря уж о недошитых платьях. До весны и речи быть не может о ее отъезде. Приезжай ко дню рождения дочери, если, разумеется, она вдруг не решит стать одной из нас, – пошутила аббатиса.

– Не дай бог! – воскликнул принц.

Ронуин рассмеялась:

– Не бойтесь, господин мой, та жизнь, которую ведет моя тетя, – не для меня. Когда вернетесь в апреле, исполню вашу волю.

– Попрощайся, Ронуин, и можешь идти, – велела аббатиса.

– Прощайте, господин, – промолвила девушка и с поклоном удалилась.

– Она ни разу не назвала тебя отцом, – заметила Гуинллиан.

– В отличие от парнишки Ронуин считает меня виновным в смерти матери. Она никогда не любила меня, сестра, и, как все дети, хотела, чтобы мать уделяла внимание только ей. Каждый раз, когда я навещал мою прекрасную Валу, девочка смотрела на меня волчком. С годами ничего не изменилось, но это не важно. Главное, чтобы она почитала и слушалась меня.

– Не знаю как насчет почтения, но она верна слову. Ронуин не подведет тебя, и если нарожает своему лорду много детей, тот со временем полюбит ее. Поддержка мужа будет необходима ей, когда Англия и Уэльс вновь станут врагами, что, несомненно, произойдет рано или поздно.

– Такова ее судьба. Мне же предназначено иное, более важное, – задумчиво сказал Ллуэлин. – А теперь, сестра, мне пора. Вот, возьми это. – Он положил ей на колени два кожаных мешочка. – Здесь плата за обучение моей дочери.

Я доволен успехами Ронуин, но, когда вернусь, ожидаю увидеть настоящее чудо.

– И ты его увидишь, – пообещала Гуинллиан.

– Знаю. Ты всегда выполняла обещания, сестрица, и я благодарю тебя за это, невзирая на то что полностью разорен.

– Не жалуйся, Ллуэлин, – рассмеялась она. – Дешево, да гнило – слышал такую поговорку? Доброго тебе пути.

Наступила зима, устлавшая снегом холмы. С дальних пастбищ привели овец и по ночам держали в загонах, чтобы уберечь от волков. Ронуин с удивлением узнала, что зима – время празднеств. В конце ноября отметили день святой Екатерины, потом других святых, и так шло до самого Рождества – дня, когда, как объяснили Ронуин, родился Иисус, сын Божий, сошедший на землю во искупление грехов людских. Ронуин находила утешение в христи-

анстве, считая подвиг сына Божьего, принявшего смерть за людей, благородным и великодушным. Аббатиса улыбнулась, когда Ронуин сказала ей об этом.

Аббатиса отдала распоряжение окрестить племянницу в день Рождества.

Двенадцатая ночь возвестила об окончании праздников. Ронуин снова с усердием принялась за работу и постепенно начала понимать, что острый ум может быть таким же беспощадным и грозным оружием, как меч. Теперь она перешла под крылышко сестры Рэн, под внешностью пухленького херувимчика которой скрывались незаурядные способности широко образованной для своего времени женщины. Если верить сплетням Элен и Арлейс, когда-то она была любовницей могущественного лорда, одевалась мужчиной и посещала университет.

– Ты сообразительна, Ронуин, – похвалила дочку принца после первого же занятия сестра Рэн. – Твой разум и рассудительность прослужат тебе куда дольше, чем красивое тело. Именно так я и удерживала своего повелителя до самой его смерти.

– Значит, слухи правдивы? – удивилась Ронуин, пораженная тем, что монахиня признается в греховной жизни.

– Разумеется, – рассмеялась сестра Рэн. – Да я никогда и не делала из этого тайны, дитя мое. Когда-то я любила и была любима. И всегда оставалась верна ему, как и он мне.

– Но он имел жену, – напомнила Ронуин.

– Да. Леди Арлетт была женщиной доброй и хорошей, принесла в приданое плодородные земли, родила здоровых детей, воспитала их в послушании и уважении к отцу. Лорд относился к ней с огромным уважением, был предан супруге, хотя содержал при этом меня. Когда он умер, мы вместе обмыли его тело и зашили саван. Теперь она – одна из благодетельниц Аббатства милосердия.

– Значит, мужчина способен любить не одну женщину, – задумчиво вздохнула Ронуин. – Этого я не знала. Думала, что после произнесения обетов мужчина и женщина навеки связаны и не имеют права смотреть ни на кого другого.

– Так бывает, но не всегда, – пояснила сестра Рэн. – Но мы здесь, дитя мое, не для того, чтобы обсуждать мои прошлые грехи. Ты усвоила норманнский и латынь. Научилась писать и читать, хотя иногда теряешь терпение, выводя буквы. Представляешь, как вести хозяйство, хотя отнюдь не блистаешь в этой области. Но аббатиса считает, что ты способна на большее, поэтому и прислала тебя ко мне. Мы станем изучать риторику, логику, музыку, арифметику и астрономию. Я помогу тебе стать опорой мужу. Даже когда ему надоест твое юное тело, он будет помнить, что твой ум для него неоценим. Ты обретешь удовлетворение, помогая мужу улучшить жизнь – как вашу, так и ваших детей, Ронуин.

– Значит, супружеская любовь не длится долго, – заметила девушка.

– Если она есть вообще. И не ошибись, не прими за любовь обычную похоть, – предостерегла монахиня.

– А в чем разница? Как отличить одно от другого? – удивилась девушка.

– Превосходно! – одобрила сестра Рэн. – Ты мыслишь! Аббатиса правильно сделала, послав тебя ко мне. Похоть – это когда люди жаждут телесного слияния, и только. Любовь же – страстное желание не только завладеть телом предмета твоих чувств, но и душой, мыслями – словом, всем. Стать единым целым с возлюбленным. Без него ты грустишь, страдаешь, а при одном звуке его голоса сердце колотится как сумасшедшее. Ты ставишь его интересы выше своих, потому что желаешь ему счастья. Ах, дитя мое, очень сложно объяснить, что такое любовь. Но ты узнаешь, когда она поразит тебя, и поймешь, оказавшись рядом с возлюбленным, чем отличается любовь от вожделения.

– Я ничего не знаю ни о том, ни о другом, – вздохнула Ронуин. – Нас с братом воспитывали воины Ситрола. Но когда я стала старше, молодые люди часто пытались прикоснуться

к моей груди и поцеловать. Я отбивалась как могла, а потом их пороли за дерзость. Это и была похоть?

– Верно, – кивнула монахиня. – Но ты ничего к ним не чувствовала?

– Нет, – прошипела Ронуин. – Подумаешь, рябые от оспы, вонючие недоростки, не умеющие даже с мечом как следует управиться! По-моему, я должна уважать человека, которому отдаст меня отец.

– Мудрое решение, детка. А теперь займемся арифметикой. Ты должна знать сложение и вычитание. Если твой муж отправится на войну, ты не позволишь управляющему плутовать. Мне сказали, что цифры ты знаешь, – так перейдем к делу. – Она показала два пальца: – Сколько?

– Два.

Монахиня подняла два пальца на другой руке:

– А здесь?

– Тоже два.

– Сколько всего?

Ронуин быстро сосчитала про себя.

– Четыре.

– Верно, дитя мое. Это называется сложением, – кивнула сестра Рэн, вынимая из принесенной с собой корзины странное сооружение с несколькими рядами деревянных бус на проволоке, которое и поставила на стол. – Это абака, счеты, Ронуин. Теперь смотри.

Она перекинула четыре бусины с одного конца проволоки на другой.

– Итак, два и два равно...

– Четырем.

– Убери одну бусину. Сколько осталось?

– Три.

– Прекрасно. Если мы что-то отнимаем от целого, это будет вычитание, – объяснила сестра Рэн.

Она быстро обнаружила у Ронуин настоящий талант к математике. Девушка так быстро усваивала уроки, что через два месяца сестра Рэн завершила аббатису в твердости знаний своей ученицы. Теперь ни одному управляющему не удастся провести ее! Кроме того, дочь Ллуэлина делала успехи в грамматике и логике, почерк значительно улучшился, но она честно признавалась, что риторика ей не по зубам.

– С этим бы справился мой брат, – уверяла она наставницу. – Он сочиняет истории и баллады, кладет их на музыку и потом поет в зале Ситрола. Думаю, когда-нибудь он прославится как бард.

До отъезда оставалось все меньше времени, и Ронуин продолжала трудиться от рассвета до заката. Элен и Арлейс готовились к постригу, и Ронуин радовалась, что вскоре их желание стать Христовыми невестами исполнится. Сама же она частенько думала о предстоящей свадьбе. Жаль, что придется познакомиться с будущим мужем только после венчания, но тетка утверждала, будто это вполне обычная вещь.

Помимо занятий, Ронуин мучили бесчисленными примерками. Принц привез немало дорогих тканей, и даже Гуинллиан не могла упрекнуть брата в скупости. Шелк, бархат, парча, тонкое полотно – всего было в избытке. Однако Ронуин была шокирована, узнав, что женщины не носят набедренных повязок.

– Но я не снимала свою с тех пор, как ты передела меня в платье, – упрямылась девушка. – Чем же мне прикрыть голую задницу?!

– Леди ничего не носят под камизами, – уверяла монахиня.

– Ничего? – поразилась Ронуин.

- Юбки всё спрячут, Ронуин. Так принято у знатных леди.
- Но это неприлично! – возмутилась племянница.

Губы Гуинллиан дрогнули, но она все же сдержала улыбку. Весьма строгие взгляды для девушки, прожившей десять лет среди грубых воинов. Не будь племянница столь воинственной, аббатиса посчитала бы, что когда-нибудь она сможет управлять аббатством. Но Ронуин по-прежнему проводила по несколько часов в седле, пуская коня в головокружительный галоп, так что привратница едва не падала в обморок при виде столь рискованных маневров.

Двадцатого марта Гуинллиан пышно отметила праздник Святого Катберта, бывшего когда-то епископом в Линдифарне, чей ноготь в золотом реликварии теперь занял почетное место на алтаре. Говорили, будто он излечивает множество не слишком серьезных болезней, так что никаких особенных чудес не ожидали. Однако богомольцы все же наводнили аббатство, спеша прикоснуться к священной реликвии. Сундуки аббатства медленно, но неуклонно пополнялись.

Настало первое апреля, а вместе с ним и шестнадцатилетие Ронуин. Верный своему слову, Ллуэлин ап-Граффид прибыл за дочерью и увидел, что, хотя держится Ронуин с холодным высокомерием, манеры ее безупречны. Пораженный невероятной метаморфозой, он тем не менее возмутился, узнав, какое количество багажа ему придется везти с собой, но смирился с этим, выслушав строгую тираду сестры. Что он мог возразить – ведь из мальчишки-сорванца Ронуин превратилась в прелестную юную даму. Волосы его дочери успели отрасти и теперь, расчесанные на прямой пробор и перехваченные серебряной лентой, ниспадали на плечи. Грудь тоже казалась пышнее, что, по мнению отца, вовсе не мешало. Мужчинам это нравится. Она избавилась от стремительного шага и грациозно скользила по полу. Руки, привыкшие к луку и мечу, стали нежными, а длинные пальцы медленно перебирали струны мандолы. Мелодичным голоском Ронуин напевала любовную песню. Ничего не скажешь – англичанам будет трудно найти недостатки в его дочери!

- Ты сотворила чудо, Гуинллиан, – шепнул принц сестре.

– Да, – надменно усмехнулась она. – Согласись, ты не зря потратил деньги. Однако по чести сказать, братец, не будь Ронуин так умна и сообразительна, я ничего бы не добилась. И ты должен благодарить воинов Ситрола, внушивших ей понятие чести и долга.

– И превративших ее в грубого вояку, – проворчал принц, – что стоило мне целого состояния. Меня так и подмывало предать огню Ситрол.

– Не нужно винить других в собственных ошибках, Ллуэлин, – наставительно заметила аббатиса. – Забудь о неприятностях и вези дочь к жениху. Однако помни, что ты путешествуешь не с парнишкой, а с дамой.

Утром второго апреля вещи Ронуин погрузили на крепкую телегу. Она едва ли не со слезами попрощалась с сестрами, особо поблагодарив тех, кто щедро делился с ней своими знаниями.

– Помни, дитя мое, ты всегда найдешь дом и убежище в Аббатстве милосердия, – наставляла ее аббатиса. – Пусть Господь даст тебе счастья и много детей.

– Только не слишком много, – пошутила Ронуин. – Но я обещаю воспитать хотя бы одну девочку специально для вас, госпожа аббатиса.

Гуинллиан со смешком обняла племянницу и расцеловала в обе щеки.

– Доброго пути, Ронуин, дочь Ллуэлина!

Ронуин вскочила на Харда и догнала отца. За спиной послышался скрип закрываемых ворот, но грустно ей не было. Она была готова пуститься в новое приключение. Ее превратили в воспитанную леди, но так и не укротили дух и не погасили жажду жизни. Она провела

последние несколько месяцев в трудах и учении, чтобы стать достойной имени отца и своего нового положения. Теперь нужно думать об Эдварде де Боло, человеке, предназначенном ей в мужа. Трудно представить, какой будет ее новая жизнь...

Глава 4

- Прибыл гонец от принца Ллуэлина, господин, – объявил слуга, кланяясь хозяину.
- Приведи его в зал, – распорядился тот.
- Как прикажете, господин.

Слуга снова поклонился и попятился к двери. Несколько минут спустя он снова возник на пороге.

- Посланец от принца Ллуэлина, господин, – объявил он.
- Эдвард де Боло мельком оглядел уставшего, обветренного валлийца.
- Мой повелитель и госпожа Ронуин придут сюда к вечеру, – коротко сообщил тот.
- Я их жду, – кивнул де Боло.

«Хладнокровный ублюдок», – подумал валлиец, но, ничем не выдав своих чувств, поклонился, вышел во двор и поскакал обратно.

Эдвард де Боло проводил его взглядом и, рассеянно вертя в руках серебряный кубок с вином, уставился на огонь очага. Он абсолютно не рвался жениться, но против приказа короля не пойдешь. Валлийская дикарка, вдвое младше его... что тут хорошего! Но он не был связан другим брачным договором, и владения его к тому же располагались у самой границы, поэтому король предназначил его на роль жертвенного агнца при подписании мирного соглашения. Он открыл было рот, чтобы отказать, но, поймав жесткий взгляд принца Эдуарда, не осмелился возразить. Далеко не всякий отважится нажать в принце врага.

Когда валлийский принц попросил разрешения отложить свадьбу до весны под тем предлогом, что его дочь должна закончить образование, Эдвард втайне обрадовался. Имея красивую любовницу, совсем ни к чему вешать себе на шею ярмо. Правда, жена, воспитанная в монастыре, имеет некоторые преимущества. Она наверняка послушна и покорна, готова вести его дом и рожать детей. В Хейвне не было госпожи с тех пор, как семь лет назад скончалась мать Эдварда. И хотя он безмерно наслаждался телом своей любовницы Рене де Фобур, несколько недель назад ее пришлось отправить в Шрусбери, поместив при этом у менялы кругленькую сумму для нее. Жена требует уважения, и, по правде говоря, Рене немного надоела Эдварду. Интересно, какова она, эта валлийка? Должно быть, мала ростом и смугла, как большинство ее соотечественников. А что, если она не знает норманнского? Но какое это имеет значение – ведь в постели слов не нужно. Все равно ей рано или поздно придется выучиться его языку, чтобы отдавать распоряжения слугам.

Эдвард старался спокойно относиться к предстоящей женитьбе, но все же раздражался при одной мысли о скором прибытии невесты. Девушка, конечно, тоже ни в чем не виновата, у нее не было выбора. Остается надеяться, они придутся друг другу по душе и в доме будет царить супружеское согласие. Неприятно только иметь такого тестя, как ап-Граффида. Хейвн вечно будет между Уэльсом и Англией как между молотом и наковальней. Принц Ллуэлин – человек опасный и амбициозный, а сын английского короля ненавидит валлийцев, тем более что его дядя, Симон де Монфор, открыто выступал против законного монарха при поддержке ап-Граффида. Пусть принц Эдуард не всегда согласен с нынешним королем, но отцу он предан.

Де Боло шагнул к лестнице, ведущей в южную башню, где предполагалось поместить невесту. Молодая служанка, выбранная экономом, растерянно встрепенулась, увидев господина, и низко присела, опустив испуганные глаза. Эдвард окинул взглядом комнату. Дубовые лавки и сундуки вытерты, пол хорошо подметен. Светильники горят ровно, без копоти. На столе глиняный кувшин с нарциссами. Эдвард улыбнулся:

– Ты постаралась на славу, Энит. Новая хозяйка придет к закату и, наверное, захочет искупаться с дороги. Приготовь чан с горячей водой.

– Хорошо, господин, – кивнула Энит, снова приседая. Ее дядя был здесь экономом и добыл племяннице это место, которое могло считаться почетным потому, что мать ее была валлийкой. Девушке было всего шестнадцать, но она служила в замке уже пять лет. Не слишком красивая, но довольно милая, с каштановыми волосами и карими глазами, она не пользовалась особым успехом у здешних парней.

Эдвард вышел из башни и отправился на поиски священника, отца Джона. Брачный договор был составлен и скреплен печатями еще в Монтгомери. Осталось только провести брачную церемонию. Он решил, что она состоится завтра. Пусть невеста хорошенько отдохнет. Де Боло вспомнил: король особенно настаивал на том, чтобы супружество осуществилось в брачную ночь.

– Я не доверяю ап-Граффиду, – объяснил Генрих. – Возьми девчонку и прикажи, чтобы следующим утром на башне замка развевалась окровавленная простыня. Пусть видят все!

– Объезди ее на совесть, – добавил принц Эдуард. – Сделай ей ребенка как можно скорее, иначе ее пронырливый родитель попытается расторгнуть брак и повыгоднее выдать дочь замуж за другого. Валлийцы – народ бесчестный, но пока дочь ап-Граффиды в нашей власти, он будет вести себя смиренно. Должно быть, любит девчонку, если все эти годы прятал ее от людей.

– Отец, – обратился де Боло к священнику, – моя невеста приезжает сегодня. Завтра состоится венчание.

– Господин мой, девушка молода и нежного воспитания, – возразил священник. – Неужели вы не дадите ей времени получше вас узнать?

– Мы все равно должны будем пожениться, – пожал плечами де Боло, – так лучше сделать это раньше, чем позже. Ап-Граффид захочет остаться до свадьбы, а мне нужно, чтобы он убрался как можно скорее. Хотя этот союз – дело рук короля и принца, я не желаю, чтобы валлийцы поганили мою землю, иначе меня могут обвинить в предательстве. Настали опасные времена, отец мой.

– Не могу не согласиться с вами, господин, – грустно вздохнул святой отец. – Я обвенчаю вас завтра утром. Пусть сегодня леди Ронуин немного отдохнет после трудного путешествия.

– Так и сделаем, – кивнул де Боло и, подойдя к стенам замка, окликнул стражу: – Вы что-нибудь видите?

– Пока ничего, господин, – донесся ответ.

Эдвард направился к конюшне.

– Оседлай коня, – велел он выбежавшему навстречу конюху.

– Сколько человек вы берете с собой, господин? – осведомился тот.

– Никого. Я еду встречать невесту, и никто не посмеет напасть на меня в моих владениях.

Конюх вывел из денника вороного жеребца, и хозяин Хейвн-Касла вскочил в седло. Он с удовольствием отметил, что поля приготовлены к севу. Скоро они зазолотятся пшеницей и ячменем. На лугах паслись белые овцы с черными мордочками, рядом с которыми резвились ягнята; в этом году окот был хорош. Кроме того, Эдвард владел большим стадом коров, из жирного молока которых делали масло и сыр, а потом продавали в Шрусбери в базарные дни... За полями расстились леса, где он часто охотился, а у подножия холма, на котором стоял замок, текла река Северн.

Эдвард остановил коня, чтобы взглянуть на свой дом. Прекрасный замок, небольшой, красивый, хотя не столь величественный, как многие из тех, что он видел. Серовато-коричневый камень, из которого он был выстроен, с годами выветрился, выцвел и кое-где зарос плющом. Четыре башни знаменовали стороны света. Несмотря на толстые стены, внутри замок скорее походил на уютный зажиточный дом. Эдвард де Боло обожал свой очаг и счи-

тал, что единственное преимущество его женитьбы – дети, с которыми он разделит свою любовь к Хейвн-Каслу. Оставалось надеяться, что невесте замок тоже понравится.

Де Боло снова повернул коня на дорогу, по которой должен был ехать свадебный кортеж. Пришлось проскакать несколько миль, прежде чем он увидел Ллуэлина и его спутников. Эдвард остановился, дожидаясь, когда они подъедут ближе. Принц вырвался вперед и приветствовал будущего зятя:

– Готов ли ты, Эдвард де Боло, встретить свою суженую?

Англичанин сардонически усмехнулся, но прежде чем успел ответить, рядом с принцем возникла девушка.

– Я думаю, он сгорит от любопытства, – мелодично пропела она на его родном языке. – Не так ли, господин?

О дьявол, она, кажется, бросает ему вызов!

– А вы, миледи? – нашелся он. – Разве вам не любопытно?

Ронуин громко рассмеялась. Не ответив, она поспешно опустила глаза и сразу стала похожа на монастырскую скромницу, какой он ее считал. Эдвард немного растерялся.

– Приветствую вас на своих землях, господин мой принц, – пробормотал он, – и вас, госпожа Ронуин. Понимаю, что путешествие ваше было долгим и утомительным. Мой дом всего в нескольких милях отсюда. Там вас ждут жаркий огонь и вино. Вы, конечно, хотите отдохнуть. Завтра днем мы отпразднуем свадьбу.

Что ж, он дал ей не слишком много времени, но она справится!

Неожиданная встреча с Эдвардом оказалась приятным сюрпризом для Ронуин. Он совсем не стар, высок и худошав; сразу видно, много времени проводит в воинских забавах, подумала она. Овальное лицо с серебристо-серыми глазами. Немного длинноватый нос с горбинкой на переносице, очевидно когда-то сломанный, высокие скулы, красиво очерченный рот. Волосы цвета осенних дубовых листьев коротко подстрижены. Широкие ладони. Сильные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями небрежно сжимают поводья вороного. Довольно благообразная внешность. На такого и посмотреть приятно.

Эдвард тоже изучал невесту. Такую красавицу он не ожидал увидеть! Совсем не ожидал. Думал увидеть темноволосую коротышку, а не это стройное, изящное создание, с тонкими чертами лица и розово-сливочной кожей. Шелковая вуаль не скрывала ее роскошных бледно-золотых волос. А глаза! Такие же зеленые, как изумруды на рукояти его меча! Щеки – как лепестки роз, носик – чудо природы, узкий, с чуть раздувающимися ноздрями. Брови же и ресницы на диво темные. Ротик хоть и маленький, но губки полные.

Ллуэлин ап-Граффид наслаждался произведенным его дочерью впечатлением и читал при этом мысли будущего зятя.

– Ее мать происходила из светлого народа, прекрасной исчезнувшей расы в древнем Уэльсе. Не правда ли, Ронуин – настоящая красавица, несмотря на то что пошла в меня?

– Я этого не заметил, – пробормотал еще не пришедший в себя де Боло.

– Она даст тебе чудесных детишек, как и ее матушка – мне. И воспитание Ронуин получила прекрасное. Знает не только валлийский, но норманнский и латынь.

Эдвард, краснея, сообразил, что и не обратил внимания, на каком языке говорит невеста, и потому постарался поскорее взять себя в руки.

– Я доволен, что мы сможем друг друга понять, – кивнул он. – Расскажи, что она еще умеет, господин.

– Монахини уверяют, что она искусная пряха и ткачиха, составляет лекарства, мази и отвары, – ответил ап-Граффид.

– Я изучала арифметику и логику, – добавила Ронуин, поравнявшись с Эдвардом.

– Подобные знания женщинам ни к чему, – вмешался отец, да так торопливо, словно дочь сказала что-то неприличное.

– Посмею не согласиться с вами, господин. Что, если моему мужу придется отлучиться из дома? Отправиться на войну? В его отсутствие мне придется управлять хозяйством, а всем известно, что слуги так и норовят обмануть невежественную женщину. Так что умение считать очень важно. Кроме того, моему жениху следует знать худшее: я также умею читать и писать.

Эдвард молча кивнул. Такого он не ожидал, совсем не ожидал.

– Она еще и поет, – прибавил ап-Граффид.

– Все валлийцы музыкальны в той или иной степени, – сухо заметила Ронуин, и Эдвард невольно расхохотался.

Перед ними внезапно возник Хейвн-Касл. Эдвард сжал затянутую в перчатку руку невесты:

– Добро пожаловать домой, моя госпожа.

У Ронуин на мгновение перехватило дыхание.

– Как чудесно! – тихо воскликнула она.

Они поднялись на холм и по подъемному мосту въехали в замок. Заметив, как тщательно изучает будущий тесть средства обороны Хейвн-Касла, Эдвард спрятал улыбку. Хитрый лис никогда не возьмет крепость и вряд ли появится тут еще раз после свадьбы дочери. Как только они поженятся, Эдвард позаботится о том, чтобы жена не встречалась с родными. Он не допустит измены в собственном доме!

Он спешил и снял Ронуин с седла. Его невеста продолжала смотреть в землю. Странные манеры! То сама скромность, то откровенна и дерзка без меры! Перед самым входом Эдвард, к удивлению Ронуин, подхватил ее на руки и перенес через порог.

– Это старый английский обычай, – пояснил он, ставя ее на землю, – переносить новобрачную через порог ее нового дома.

– Но мы еще не женаты, господин.

– Все соглашения подписаны и скреплены печатью. Осталось только провести церковную церемонию. В глазах закона ты была моей женой со времени заключения договора в Монтгомери.

– Я этого не знала, – заверила Ронуин. – Законы мне не известны.

– Этого я от тебя и не ожидал, – пожал плечами Эдвард, провожая ее в большой зал. – Хочешь пить? Или предпочтешь отдохнуть в своих покоях? Я велел управляющему выбрать для тебя служанку. Ее зовут Энит, и она присмотрит за тобой.

– Вы очень добры, господин. У меня никогда не было служанки, – прошептала Ронуин. – Я вполне способна сама о себе позаботиться.

– Моя дочь не избалована, – тут же вставил принц, опасаясь, что Ронуин ляпнет что-нибудь лишнее и снова оконфузит отца. – Аббатство милосердия – обитель скромная.

Он предостерегающе посмотрел на дочь, но та, очевидно ничуть не испугавшись, пожала плечами с ответным издевательским взглядом. Де Боло, заметившему это, оставалось лишь гадать, в чем тут дело.

– Я бы выпила немного вина, – попросила Ронуин.

Хозяин подал знак слугам, и перед гостями мгновенно появился кувшин с вином.

– Садитесь у огня, – пригласил Эдвард невесту. – Апрель – месяц холодный, хоть и весенний.

Он подвел ее к скамье перед очагом. Ронуин сняла перчатки и протянула руки к огню. Даже в профиль она была неотразима!

Эдвард взял кубок у слуги и вручил Ронуин. Она благодарно улыбнулась и подняла кубок, восхищаясь тонкой работой по серебру и зелеными камнями, вделанными в ножку. Рубиново-красное вино тонкой струйкой полилось в горло, согревая и успокаивая.

– Гости успеют прибыть вовремя, до начала церемонии? – поинтересовался ап-Граффид.

– Гостей не будет, – бросил де Боло. – Мои ближайшие родичи – кузен Рейф де Боло и его сестра Кэтрин. Я не говорил им о своей женитьбе, поскольку Рейф всегда думал, что я возьму в жены Кэтрин. Наверное, так и случилось бы в конце концов, но между нами не было никакого соглашения – ни письменного, ни устного. Да и не знал я, когда вы прибудете. Свидетелями на церемонии будете вы, ваши люди и мои слуги. Кроме того, все формальности были улажены полгода назад, и я вправе разделить ложе с вашей дочерью сегодня же, но предпочитаю получить благословение церкви.

Ронуин побелела как полотно. Разделить ложе? Почему никто в аббатстве не упомянул об этом? Будь она проклята, если обратится за разъяснениями к ап-Граффиду! Наверное, это то, чем они занимались с матерью, хотя она так и не поняла всех деталей, поскольку их тела всегда были крепко прижаты друг к другу. Она совсем не была уверена, что хочет подвергнуться подобному обращению. В конце концов, достаточно и того, что, согласно условиям договора, она теперь жена де Боло.

Ронуин стремительно поднялась:

– Я устала, господин, и хотела бы удалиться к себе.

– Сейчас провожу вас в покои, госпожа моя, – пообещал Эдвард. – Принц Ллуэлин, я скоро вернусь, и мы поужинаем. – Он взял Ронуин за руку и вывел из зала. – Я поселил вас в самой теплой башне.

– Мои вещи... – нерешительно начала она.

– Будут сейчас же перенесены в ваши покои. Ваша служанка их разложит.

– Я еще никогда не бывала в таком прекрасном месте, господин. Неужели я и вправду стану здесь хозяйкой? – неожиданно спросила Ронуин.

Эдвард улыбнулся ее простодушию:

– Разумеется, госпожа. Отныне это ваш дом, Ронуин, дочь Ллуэлина.

Как очаровательна эта монастырская воспитанница! Так или иначе, он должен был жениться, но теперь начинал думать, что король оказал ему огромную милость, сам, разумеется, того не подозревая. Для монарха Ронуин была лишь заложницей, гарантом смирения валлийского принца, а он, Эдвард де Боло, – кем-то вроде ее тюремщика. Брак по расчету. Политический брак... Но если они друг другу понравятся, тем лучше...

Эдвард повел невесту по каменной лестнице и, пройдя коротким коридором, распахнул дверь:

– Это ваши покои, госпожа. Дневная комната для развлечений, спальня, гардеробная, в которой спит Энит. Эта смежная дверь из спальни ведет в мои покои, госпожа.

У Ронуин глаза разбегались. Столько комнат для нее одной! В Ситроле у нее было крохотное местечко в общем зале. В аббатстве ей отвели тесную келью. А это все ее? Вышитые шпалеры на стенах. Овечьи шкуры на каменном полу. Дубовые стол и скамьи! А постель... такая огромная, с балдахином из зеленого с золотом бархата и парчи! И полость из рыжей лисы!

– Тут два очага? – поражено прошептала она.

– Значит, ты довольна?

– Да, господин! – с сияющими глазами выдохнула Ронуин.

– Если хотите, прикажите Энит принести ужин, – посоветовал Эдвард. До чего же зеленые у нее глаза! Каким образом закаленный в боях толстокожий солдат, подобный Ллуэлину, мог произвести на свет столь изящное существо?

– Спасибо, милорд. Я действительно проголодалась, но не могла и лишней минуты выдержать в обществе отца. Кроме того, я измучена. Мы скакали несколько дней от рассвета до заката.

– Я рад вашему приезду, – вырвалось у него, – но отец не должен был подвергать вас такому испытанию. Я поговорю с ним.

– Не стоит труда, господин. Все равно он скоро нас покинет, не так ли? – усмехнулась она и, подойдя к окну, посмотрела на заходящее солнце. – Как здесь прекрасно! Мне никогда не надоест этот вид! Как вы добры, господин мой! Я благодарю вас.

Эдвард невольно покраснел.

– Кажется, с вами легко быть добрым, Ронуин. Спокойной вам ночи. Энит выполнит любой ваш приказ. Встретимся завтра у алтаря, – попрощался Эдвард и, поклонившись, ушел.

– С вашего разрешения, госпожа, я принесу вам поесть, – робко пропищала Энит, с беспокойством разглядывая новую хозяйку.

– Да, спасибо, – рассеянно обронила Ронуин и, как только дверь за служанкой закрылась, принялась обходить новые владения. В комнате... кажется, она называлась гардеробной... уже была сложена ее одежда. В конце гардеробной виднелась маленькая дверца. Открыв ее, она с удивлением увидела каменное сиденье, встроенное в стену. В сиденье была прорублена дыра. Рядом стояло большое ведро с водой. Что бы это могло быть? Наверное, Энит знает.

Ронуин закрыла дверцу и вернулась в дневную комнату. Маленький камин с двух сторон поддерживали странные крылатые твари. В центре помещения стояли квадратный дубовый стол и два стула с высокими спинками. Длинную скамью у камина украшали вышитые подушки. Высокие узкие окна, затянутые бычьим пузырем, выходили на запад, и лучи заходящего солнца окрасили белоснежные овечьи шкуры розовым цветом. Ронуин долго стояла, глядя на темные холмы. Всего несколько дней назад она была по другую сторону этих холмов, в Уэльсе.

Она с тихим вздохом уселась на скамью. Сумеет ли она стать настоящей госпожой Хейвн-Касла? Аббатиса уверяла, что сможет, но она все же немного боялась и не знала, действительно ли хочет этого. Ронуин просто заставили выполнить дочерний долг, угодить отцу, который совсем не заботился о ней, отдал замуж за первого попавшегося мужчину и ожидал, что она станет вести себя как истинная леди. Но какая из нее леди?! Всего шесть месяцев назад она была воином и скорее убила бы англичанина, чем вышла за него замуж.

Девушка встала и принялась мерить шагами комнату. Она совсем не уверена, что хочет командовать слугами и посылать за припасами, которых нет в поместье. Она предпочла бы скакать на коне, охотиться с луком, а не сидеть у огня за прялкой! Черт бы побрал ап-Граффида! Это он обрек ее на такую жизнь. Не может она больше оставаться взаперти, как дикий зверь в клетке, которого требуется укротить! А постель... Противно даже думать об этом!

Дверь открылась, и на пороге возникла Энит с подносом.

– Вы, наверное, голодны и устали, поэтому я выбрала самые изысканные блюда, госпожа, – сообщила она. – Ешьте, пока не остыло.

Ронуин уселась за стол, и служанка поставила перед ней серебряное блюдо с жареной куриной грудкой, зеленым горошком и большим куском хрустящего каравая, на котором лежал ломоть сыра. Служанка захватила также серебряный кубок с золотистым вином.

Ронуин набросилась на еду и, очистив половину блюда, улыбнулась Энит:

– У меня всегда был волчий аппетит. Мой родич, Морган ап-Оуэн, часто говаривал, что я ем, как дикарь.

– Может, я слишком мало принесла? – встревожилась Энит.

– С меня достаточно. Просто в монастыре еда была не такая вкусная. А ты, Энит? Успела поесть?

– Поужинаю на кухне, госпожа. Кухня у нас устроена под залом, это очень удобно. В большинстве замков готовят во дворе, и еда остывает задолго до того, как ее подадут на стол.

Хозяину это не нравится. Он даже придумал устройство, чтобы быстро поднимать блюда наверх. Через всю стену до самого низа проходит узкая дыра. На специальную доску ставятся блюда, и все это втягивается наверх веревкой.

– Кстати, – вспомнила Ронуин, вскакивая и хватая Энит за руку, – посмотри, что это в гардеробной?

– Там, за дверцей? Сюда садятся, чтобы облегчиться, а потом я смываю все водой, которая и уходит наружу. Ну разве не чудесно?!

– Клянусь телом Христовым! – выпалила Ронуин и тут же вспыхнула от стыда.

Энит только хихикнула.

– Вы правы, госпожа, – кивнула она. – Мой дядя-эконом клянется, что такое можно увидеть лишь в самых богатых замках. Не правда ли, как удобно! Не надо ходить на улицу в холод и дождь!

– Ах, Энит, мне еще многому нужно научиться, – в свою очередь, улыбнулась Ронуин. – Я росла в уединении и в Уэльсе никогда не видела ничего подобного. Завтра я поговорю с твоим дядюшкой и попрошу показать мне все эти чудеса.

– Но завтра день вашей свадьбы, госпожа, – напомнила Энит.

– Значит, послезавтра, – решила Ронуин. – Здесь живет священник? Есть кому отправлять службы?

– Да, госпожа, отец Джон, и он каждое утро читает мессу.

– Станешь будить меня к заутрене, – велела Ронуин. Аббатиса достойно потрудились, вдолбив племяннице мысль о необходимости каждый день посещать службу, подавая тем самым пример слугам и обитателям замка. – А теперь дай мне поужинать как следует. В моем животе все еще пусто.

Она снова уселась за стол и продолжила трапезу. Потом Энит предложила Ронуин искупаться, но ей так хотелось спать, что она отказалась. Тогда служанка принесла ей серебряный кувшин с теплой водой и помогла смыть жир с лица и рук.

– Найди мне маленькую палочку, Энит, – попросила Ронуин и, когда девушка выполнила приказание, старательно разжевала стебелек и прополоскала рот. – Впредь приноси мне листья мяты, чтобы освежить дыхание, как учила сестра Дикра, – приказала она служанке.

Энит помогла госпоже раздеться и, вытряхнув платье, старательно сложила его, потом сняла башмаки с Ронуин, пообещав вычистить их завтра.

– Наденете в постель камизу, госпожа? – спросила она.

– Только не эту, у нее рукава узкие. Найди белую камизу с широкими рукавами. Я предпочитаю спать в таких, Энит.

Служанка порылась в сундуке, нашла что требовалось и передела Ронуин.

– Если соизволите присесть, госпожа, я расчешу вам волосы. Ах, какая красота, леди Ронуин! Никогда не видела ничего подобного. Как будто их сплели из паутины и позолотили солнечными лучами.

– Говорят, мои предки были из светлого народа древнего Уэльса. Они славились своими волосами. У моей мамы были такие же. Не то что у ап-Граффиды и его родичей, – сообщила Ронуин.

– Ложитесь, госпожа, – предложила Энит, заплетая ей косы на ночь. – Огонь должен гореть всю ночь, так что не замерзнете, а если что-то понадобится, позовите меня. Я сплю чутко.

Она задула небольшой светильник и вышла в гардеробную, где лежал ее тюфяк.

Ронуин долго не могла заснуть. Она наконец в своем новом доме. Завтра станет замужней женщиной. Ап-Граффид уедет. И скатертью дорога! Она останется одна с Эдвардом де Боло. Он, кажется, человек неплохой. Позволит ли он привезти сюда Глинна? Она не виделась с братом целых полгода, но помнит свое обещание прислать за ним, как только все

устроится. В аббатстве для него не было места, но теперь... Разве может помешать могущественному лорду какой-то мальчишка? Кроме того, принц совершенно равнодушен к сыну. Если Глинна не спасти, он останется в Ситроле до конца дней своих. А если крепость осадят англичане или соотечественники – враги ап-Граффида? Глинна убьют или возьмут в заложники, если узнают, кто его отец. Необходимо как можно скорее взять его под свое крыло! Она просто обязана это сделать.

Энит разбудила ее, когда небо едва заметно посветлело. Ронуин поспешно натянула простое темно-коричневое платье с поясом из тонких медных колечек. Энит набросила ей на плечи подбитую мехом накидку такого же цвета, и они поспешили в маленькую церковь, выстроенную прямо у крепостной стены. Там они прослушали заутреню, а потом священник вышел к ним, чтобы поздороваться с будущей хозяйкой замка.

– Надеюсь, ты отдохнула, дитя мое? – спросил он. – Жаль, мы не встретились вчера за ужином.

– Меня утомила дорога, – пояснила Ронуин. – Принцу хотелось поскорее доставить меня к жениху, чтобы англичане не посчитали, будто он отказывается от обещания, данного королю Генриху.

– Ты довольна таким положением дел, дитя? – осторожно осведомился священник, заметив ее ироничную усмешку.

– Мне было приказано выйти замуж, святой отец, иначе пришлось бы посвятить жизнь Господу нашему, к чему у меня, очевидно, нет призвания, – призналась она. – Я, как послушная дочь, покорилась воле отца. Владелец замка показался мне человеком добрым и внимательным. У меня никогда не было поклонников, и ни один мужчина не владел моим сердцем, поэтому союз с де Боло вполне для меня приемлем.

– Прекрасно! – обрадовался отец Джон. – Рад узнать, что ты так высоко ставишь долг, Ронуин, дочь Ллуэлина. Из тебя, несомненно, получится внимательная и покорная жена. Меня просили провести церемонию после вечерни. Это подходящий час для тебя, дитя мое?

– Мне остается только явиться вовремя, не так ли, добрый отец? – весело осведомилась Ронуин. – Да пребудут с вами мир и благоденствие. Энит, нам пора.

После ухода девушек священник не сумел сдержать улыбки. Похоже, новая госпожа Хейвн-Касла несколько упряма и своевольна. Что ж, ей понадобится немало сил, но она, кажется, пошла в тетку, аббатису Гуинллиан. Лет десять назад он служил мессу в церкви аббатства.

Жениху не полагалось в этот день видеться с невестой, поскольку это считалось дурной приметой, и Ронуин пришлось все время до свадьбы провести в своей комнате. Энит обрядила ее в выбранный теткой для этого случая наряд из кремового шелка с круглым небольшим вырезом и длинными рукавами, поверх которого полагалось надевать длинный котт без рукавов из серебристо-золотой парчи и таким же поясом, расшитым крошечными жемчужинами. Простые чулки были прихвачены подвязками у колен, туфельки украшала роспись. Энит расчесала ей волосы и распустила по плечам, что символизировало невинность, и прикрыла их сеточкой из крученых золотых и серебряных нитей.

В дверь постучали, и на пороге возник Ллуэлин. Служанка почтительно присела.

– Беги, девочка, – велел он. – Я хочу поговорить с дочерью наедине. – Он мягко подтолкнул Энит к выходу и прикрыл дверь.

– Что тебе нужно? – раздраженно бросила Ронуин.

– Хотел напомнить, что, каковы бы ни были твои чувства ко мне, ты по-прежнему остаешься дочерью принца Уэльского и истинной валлийкой. Помни это, Ронуин, дочь Ллуэлина. Я требую, чтобы ты регулярно отправляла мне послания.

– А разве ты умеешь читать? Вот уж не знала! – издевательски фыркнула Ронуин, но тут же сурово добавила: – Я много трудилась, чтобы никто не догадался, как долго ты пре-

небрегал мной, господин, и смирилась со своей участью. Считай, что этим заплачены все мои долги. Как только священник объявит меня женой Эдварда де Боло, все старые связи разорвутся. Моя верность и преданность всецело принадлежат мужу. Ты понял меня, господин? Я не собираюсь ради тебя шпионить ни за ним, ни за англичанами!

– Но твоя обязанность... – распетушился было принц.

– Повторяю, я сделала все, что от меня ожидалось. Вскоре ты потеряешь права на меня. Они перейдут к моему мужу, и я не предаю его. Чего еще ты хочешь, кроме того, что уже получил, Ллуэлин ап-Граффид? У тебя есть Уэльс, твоим сюзереном стал могущественный английский король. Если не станешь обманывать его и будешь верен данному слову, твои беды позади. И как ты смеешь требовать, чтобы я обманывала своего супруга? Моя мать никогда не смотрела ни на одного мужчину, кроме тебя. Как можно ожидать, чтобы я опозорила ее имя? Ах, как же я презираю тебя, Ллуэлин ап-Граффид! А теперь веди меня в церковь, чтобы я наконец навсегда от тебя избавилась!

– Твоя мать любила меня и сделала бы все для моей безопасности и благополучия! – возразил принц.

– Но я-то не люблю тебя, повелитель, – напомнила Ронуин.

– Я дал тебе жизнь, девчонка! – прорычал он.

– И весьма мало сверх того, – отрезала она. – Правда, я благодарна тебе за сегодняшний день, потому что после него вряд ли увижу тебя когда-нибудь.

– Видно, спорить с тобой бесполезно, – неожиданно улыбнулся отец. «Ну истинная Гуинллиан! Как такое могло случиться?»

– Верно, – спокойно кивнула Ронуин. – Поэтому и не стоит больше тратить время. Пора отправляться в церковь, мой повелитель.

Глава 5

Эдвард де Боло, в оливково-зеленой с золотом тунике, ожидал невесту у алтаря и, когда Ллуэлин подвел дочь к нему и вложил ее маленькую ручку в его широкую ладонь, ободряюще улыбнулся невесте. Жених с невольным удовольствием отметил, что нареченная прекрасно говорит по-латыни и не только вразумительно отвечает на вопросы, но и читает молитвы. После того как их провозгласили мужем и женой, он повернул Ронуин лицом к себе и нежно поцеловал в губы. Испуганное выражение огромных глаз удивило его.

– Это поцелуй мира, – пояснил он тихо.

– Меня никто никогда не целовал, – пробормотала она.

Только сейчас Эдвард осознал: его воспитанная в монастыре жена настолько чиста и невинна, что понятия не имеет о грубой реальности отношений между мужчиной и женщиной, а ведь Генрих приказал немедленно осуществить брак, чтобы не дать Ллуэлину возможности для маневра. Что же теперь делать? Ее даже наставить некому! Но если он хочет сохранить верность королю, значит, следует исполнить повеление, хотя он постарается быть с ней помягче.

День выдался довольно ясным и теплым, но к вечеру начали собираться тучи, и казалось, вот-вот брызнет дождь. Новобрачные вернулись в зал, где уже были накрыты столы. Слуги расставляли блюда с олениной и ягнятиной, кухарка успела поджарить жирную утку и подала ее со сладким соусом из винных ягод и изюма. Здесь были даже кусочки цыпленка, смешанные с рисом, сваренным в миндальном молоке с сахаром, и посыпанные миндалем и анисом. Ронуин не доводилось пробовать такое блюдо раньше, и она сразу поняла, что отныне оно станет ее любимым. Стоило ли упоминать о мягком хлебе со свежим маслом и острым сыром! Принесли миску с молодым горошком, и в довершение ко всему кухарка поставила на стол небольшой пирог из цветной миндальной пасты и сахара, с изображением влюбленной пары в морской раковине, запряженной двумя лебедями. Он покоился на серебряном блюде в окружении зеленых листьев, и новобрачные громко им восхищались, прежде чем выпить густого красного вина за здоровье друг друга.

За окном сгустились сумерки, и первые капли дождя упали на землю. Ронуин попросила принести мандолу и долго играла и пела для мужа и принца, исполняя на валлийском протяжные грустные баллады, которые отец переводил для зятя, и задорные и живые норманнские песни, развеселившие Эдварда. Он окончательно уверился, что его жена – самое совершенное создание Божье на этой земле, и не мог дождаться, когда окажется с ней в спальне.

Поэтому, когда Ронуин смолкла, он вежливо осведомился:

– Госпожа моя, вы, наверное, устали? Нам пора ко сну.

Ронуин залилась краской, но ап-Граффид весело фыркнул:

– В твою постель не легла бы девушка чище, сын мой, даже если бы сам Спаситель выбрал тебе жену. Помни: она девственница, которая утолит твоё вожеление.

– Господин, – резко упрекнула отца Ронуин, – твои слова непристойны и крайне грубы.

– К тому же я сам вижу, какова моя жена, – поддакнул Эдвард, целуя руку Ронуин. – Я приду чуть позже, – тихо заверил он.

Стараясь ничем не выдать страха, она выплыла из зала. Как выигрывает ее муж в сравнении с отцом!

В покоях ее уже ждала Энит, заранее попросившая мужчин принести горячей воды. Высокая дубовая лохань уже стояла у огня. Ронуин заколола волосы черепаховой шпилькой и опустила в теплую воду.

– Я сама вымоюсь, – сказала она служанке, – а ты пока убери мой наряд. Что это за восхитительный запах? Такой тонкий!

– Вереск, – пояснила Энит. – Моя мать делает эссенцию из масла цветов, которые собирает на холмах каждую весну. Надеюсь, вам понравилось, госпожа.

Служанка захлопотала, перетряхивая платья и пряча в сундук.

– Чудесно, – похвалила Ронуин. – Я впервые купаюсь в такой ароматной воде.

Она взяла тряпочку и мягкое мыло и принялась намыливаться, совсем забыв о времени.

Дверь неожиданно распахнулась, и она услышала голос мужа:

– Энит, сегодня ты переночуешь в доме матери.

– Да, милорд, – прошептала девушка.

Дверь снова захлопнулась.

– Наслаждаешься ванной, госпожа? – осведомился Эдвард, подходя ближе. Сейчас на нем была только доходившая до колен рубаха.

Ронуин медленно повернулась, чтобы не расплескать воду.

– Господин! – резко воскликнула она. – Неужели мне не дозволено даже искупаться в уединении?

– Мне всегда нравилось любоваться своими женщинами в ванне, – преспокойно бросил он.

– Твоими женщинами? – ахнула она.

– Не считаешь ли ты и меня девственником? – засмеялся де Боло. – Я здоровый мужчина с ненасытным аппетитом, и у меня было немало любовниц. Теперь, правда, пришлось расстаться с последней. Больше я не посмотрю ни на кого, кроме жены.

Ронуин кивнула. Слова его были разумными, а обещание оставаться верным утешало.

– Ты раскраснелась от жары и стала еще красивее, – заметил он.

Ронуин смущенно промолчала, не зная, что ответить. Как она ненавидела свой непослушный язык! Теперь она чувствовала себя настоящей дурочкой! Но разве можно было предполагать, что она окажется в такой странной ситуации!

– Ты скоро выйдешь из воды, Ронуин? – допытывался муж.

– Но как я могу, когда вы тут стоите, господин! – воскликнула девушка.

– Право супруга – видеть тебя такой, какой создал Господь, – возразил Эдвард. Его серебристо-серые глаза искрились.

– Но я никогда не показывалась в подобном виде перед мужчинами. И сейчас не смогу!

Вместо ответа Эдвард шагнул к лохани, подхватил Ронуин под мышки и, подняв, поставил на пол. Он замер в восхищении. Какие маленькие круглые грудки! Так и молят о ласках!

Ронуин, возмущенно вскрикнув, прикрылась куском полотна.

– Так нечестно, господин! – упрекнула она.

– Неужели никто не объяснил тебе, что в любви и на войне все средства хороши? – обжег ее взглядом муж.

– Но между нами нет любви, господин. Значит, мы в состоянии войны? – усмехнулась она. – Вы скоро поймете, что я опасный враг.

Он молча протянул руку, вынул из ее волос шпильку и, намотав на кулак золотистую массу, привлек жену к себе, глядя в ее очаровательное упрямое личико.

– Ты принадлежишь мне, Ронуин, как мой боевой конь, оружие и замок. Я твой муж и намереваюсь в полной мере осуществить супружеские права. Тебе, разумеется, это известно, – прошептал он, прикоснувшись губами к ее лбу. – Ты еще молода, невинна и застенчива, я понимаю это, но наш брак должен быть осуществлен.

– Я никак не могу взять в толк, чего ты требуешь от меня, господин. Неужели это необходимо сделать сегодня? Нельзя ли нам узнать друг друга получше? Мы ведь только встретились!

– Какая разница – эта ночь или любая другая? Не будь твоим отцом ап-Граффид, я с радостью исполнил бы твою просьбу, но мой король опасается, что принц заберет тебя обратно, если ты не станешь моей женой на деле. В этом случае он расторгнет договор и сделает твоим супругом очередного врага нашего повелителя.

– Верно, господин, – согласилась Ронуин, – такое вполне возможно.

– Я постараюсь быть с тобой помягче, – пообещал де Боло, глядя ее по щеке. Она поспешно отстранилась.

– Моя мать умерла, когда мне было пять, – начала Ронуин. – Я не знаю, чего вы от меня ожидаете. Монахини ничего не говорили об этом. Я видела, как принц лежит на матери, но так и не поняла, что происходило между ними. И теперь сожалею о том, что не догадалась спросить. Но я хочу быть честной с тобой, пусть ты и посчитаешь меня глупой.

– Но это вполне естественно для девушки, воспитанной в аббатстве, Ронуин. Откуда тебе знать, что происходит в постели между мужем и женой, если только супруг не научит? – пошутил Эдвард.

– Господин, я провела в монастыре всего полгода. До этого я жила в Ситроле.

– Давай ляжем в постель, и ты обо всем расскажешь, – предложил он и, отпустив ее руку, принялся вытирать капельки воды, блестящие на нежной коже. И только потом он повел Ронуин в спальню. Она быстро нырнула под простыню, а ее муж, сбросив рубашку, присоединился к ней. Он так спешил, что у нее не было времени рассмотреть его обнаженное тело.

– А теперь, Ронуин, объясни, что такое Ситрол?

– Крепость на валлийской границе, господин. Ап-Граффид по чистой случайности приехал на следующий день после того, как ма умерла, рожая нам сестренку. Похоронив ее, он увез нас в крепость и оставил на попечении нашего родича, Моргана ап-Оуэна. Там мы и оставались, пока он не приехал за мной.

– Тебя вырастила жена Моргана?

– Нет, – покачала головой Ронуин, – в Ситроле нет ни одной женщины. Если нападут англичане, им придется несладко. Воинам ни к чему лишнее бремя.

– Не было женщин? – поразился де Боло, пытаясь понять, не дурачит ли она его.

– Совсем, – подтвердила она.

– Но что случилось бы с тобой и братом в случае осады?

– Я сражалась бы наравне с остальными. За эти годы я успела стать настоящим воином.

– Воином? – выдохнул Эдвард. Нет, она все-таки смеется над ним... хотя лицо остается серьезным.

– Говорят, я на скаку словно срастаюсь с лошастью, умею орудовать мечом и кинжалом, довольно неплохо обращаюсь с булавой и копьем. Но лучше всего я стреляю из лука. Мне доверяли охотиться на дичь, и даю слово, еда в Ситроле была просто роскошной.

– А твой брат? Он такой же воинственный? – Должно быть, она играет с ним. Из женщины никогда не получится воина!

– Глинн не любит ни войн, ни оружия. Он бард, поет и сочиняет песни, поэтому он ни к чему ап-Граффиду.

– Ронуин, признайся, что ты шутишь, – взмолился Эдвард.

– Но к чему мне это, господин? – удивилась она.

– Ты так... так прекрасна! И хорошо образованна!

– Шесть месяцев назад, приехав в Ситрол, принц обнаружил, что у него два сына, и поэтому отвез меня к тетке. Та поистине совершила чудо, ибо клянусь, что не умела говорить ни на одном языке, кроме родного, не знала ни одной молитвы, ни букв, ни цифр. Принцу Уэльскому понадобилась дочь для выполнения условий договора. Моя тетка, аббатиса, помогла братцу, но за это он выложил немало денег.

– Так вот почему он откладывал свадьбу! – воскликнул де Боло.

– Именно. Ты считаешь меня красивой, господин. Но вряд ли сказал бы это, увидев меня тогда. Конечно, отцу следовало с самого начала отвезти меня в аббатство, но Ситрол был ближе, и ему казалось разумным оставить нас в крепости. К счастью, Морган ап-Оуэн – человек с большим и добрым сердцем. Но кому было наставить меня в обязанностях женщины? Уверена, что, воспитываясь я в обычном хозяйстве, к этому времени уже знала бы достаточно о сущности брака. Однако моя тетка – настоящая святая. Даже если она знает о подобных вещах, то предпочитает не говорить о них.

Де Боло неожиданно рассмеялся. Совершенно абсурдная ситуация! И что же ему теперь делать?

– Значит, ты находишь это смешным, господин? – смутилась девушка.

– Еще бы! Представляю досаду ап-Граффиды, когда он тебя увидел! Должно быть, пришел в ужас! – усмехнулся Эдвард.

– Ты его не любишь, – констатировала Ронуин.

– Вовсе нет, – поспешно заверил ее муж.

– Не любишь, – настаивала она. – Как и я. Мы почти не встречались. Я видела его не больше десяти раз. Правда, он не обращался с нами плохо, но словно не замечал. Пылал страстью к нашей матери, а мы всегда оставались для него в тени.

– Но теперь, Ронуин, мы не можем ничего изменить. Брак должен быть осуществлен сегодня, – твердо объявил Эдвард, лаская ее груди.

Ронуин нервно вздрогнула.

– Пожалуйста, не надо!

– Но почему? – рассердился он.

– Я не привыкла к столь... интимным прикосновениям. Это расстраивает меня, господин.

– Привыкнешь, – отмахнулся Эдвард, потирая ее сосок.

– Никогда! Это... так по-хозяйски, господин! Словно ты владеешь мной, моей душой и моим телом! – тихо вскрикнула Ронуин.

– Я уже объяснял, что действительно стал твоим господином и повелителем. Ты в полной моей власти, и я могу сделать с тобой все что заблагорассудится. Я возьму тебя сегодня и, если позволишь, постараюсь сделать это как можно бережнее и даже доставить тебе удовольствие. Я не из тех, кто заботится лишь о собственном наслаждении, забывая про женщину. Хочешь ты того или нет, а будешь моей, прелестная жена.

И он в мгновение ока подмял ее под себя, но тут же пораженно ахнул, почувствовав у горла холодную сталь.

– Неужели ты убьешь меня, чтобы сохранить свою добродетель? Или опасешься, что я обнаружу ее отсутствие? – процедил он.

– Ты единственный, кому я ее подарю, господин, – заверила Ронуин, – но потребую кое-что взамен.

– Что? – ахнул Эдвард, раздумывая, не лучше ли отобрать у нее клинок.

– Ап-Граффид уедет, как только получит доказательства того, что наш брак свершился, не так ли?

– Совершенно верно. Поэтому он и ждет этой ночи, чтобы получить возможность увезти тебя. Но если завтра я покажу ему окровавленную простыню как свидетельство твоей утраченной девственности, он оставит нас в покое. А чего ты хочешь от меня?

– Завтра перед отъездом попроси его прислать сюда моего брата. Он еще совсем мальчик, и мы до этого никогда не расставались. Теперь я увидела, какой огромный мир расстилается за стенами Ситрола. Глинн – добрая и нежная душа, ему не место среди грубых вояк. Я хотела бы, чтобы он получил возможность увидеть то же, что и я. Там я могла защищать

его, потому что ни в чем не уступала другим. Пожалуйста, господин, сделай это для меня, и я без сопротивления уступлю любому твоему желанию, – тихо взмолилась Ронуин. – Пожалуйста!

Эдвард неожиданно сжал ее запястье, обезоружил и швырнул кинжал в другой конец комнаты. Потом он легонько ударил ее по щеке.

– На будущее запомни, Ронуин: если хочешь получить что-то, никогда не угрожай мне оружием. – И, придавив ее всем телом к перине, он рассмеялся при виде гневно сверкающих глаз. – До чего свирепая маленькая девственница! Посмотрим, что у тебя есть для меня!

Он впился в ее рот жестким поцелуем, вынуждая губы раскрыться. Неумолимый язык скользнул внутрь, опалив ее, словно огнем.

Ронуин притихла, не зная, что делать. Его язык мешал ей дышать. Ей было не по себе, но она боялась шевельнуться. Эдвард стал покрывать поцелуями ее шею и лицо, и Ронуин вздрогнула, ощутив влажные губы на грудях и животе. Она едва не вскрикнула, когда его пальцы скользнули в гнездышко светлых завитков и раскрыли сомкнутые створки. Она прикусила губу так, что по подбородку поползла струйка крови, но Эдвард неумолимо пробирался все глубже.

– Здесь наши тела соединятся, – хрипло выдал он. – Это называется твоими любовными ножнами, в которые, как меч, войдет мое мужское достоинство. Сейчас, Ронуин!

Он ворвался в Ронуин, как в завоеванный город, и она пронзительно вскрикнула, когда его орудие пробило тонкую перегородку.

О господи, как ей ненавистно *это!* Она стала отбиваться изо всех сил, кусаясь и царапаясь.

– Не нужно! Не нужно! – всхлипывала Ронуин, но муж только стонал от удовольствия, снова и снова вонзаясь в ее тело. Наконец он на секунду застыл и тут же обмяк.

Создатель, как легко удалось этой девчонке возбудить в нем столь жгучее сладострастие! А когда она, вместо того чтобы покориться, принялась драться с ним, похоть усилилась во сто крат. Удивительно, что он не излился раньше! Жаль только, ей пришлось нелегко.

Эдвард осторожно поцеловал ее бледные щеки.

– Ну вот, Ронуин, с этим покончено. Мы оба исполнили долг, и теперь я дам тебе время оправиться и отдохнуть, – сказал он и, отдышавшись, слез с постели.

Ронуин судорожно сглотнула.

– Глинн? – прошептала она.

– Твой отец не покинет Хейвна, не дав мне обещания отправить мальчика к нам, – заверил он. – Что бы ты ни думала обо мне, я хочу только твоего счастья.

– А нам придется...

Она тут же осеклась, но Эдвард все понял.

– Только когда ты сама будешь готова, Ронуин. Мы исполнили повеление короля и принца. Теперь подождем, пока ты привыкнешь ко мне. Спокойной ночи.

Он вышел через смежную дверь и закрыл за собой засов.

Впервые в жизни Ронуин разразилась рыданиями.

Эдвард услышал жалобный плач и грустно покачал головой. Плохо, что она так несчастна. Остается надеяться, что это скоро пройдет, особенно после приезда брата. До сих пор ему не приходилось брать женщин силой: в этом не было необходимости. И теперь совесть не давала ему покоя, и что всего хуже, он наслаждался женой в полной мере, несмотря на ее явное нежелание принадлежать ему. Почему?

Эдвард постарался выбросить из головы эти мысли. В конце концов, она достаточно умна, а он все ей объяснил. И хотя понимал ее страхи, но упорная решимость и неожиданная угроза, сопровождаемая требованием привезти брата, взбесили его. Она – его жена и принадлежит ему! Ронуин должна беспрекословно повиноваться, и все тут! Однако он обещал

ей передышку и сдержит слово. Здравый смысл подсказывал Эдварду: неплохо им поближе узнать друг друга.

Он снова приложил ухо к двери. Все тихо... она успокоилась. Ему стало немного легче.

Наутро Энит осторожно потрясла хозяйку за плечо:

– Просыпайтесь, госпожа. Пора идти к заутрене.

Служанка не знала куда девать глаза, помня о том, что вчера Ронуин потеряла невинность. Она боялась, что застанет господина в постели хозяйки, и обрадовалась, увидев Ронуин одну. Энит заметалась по комнате, собирая вещи.

Молодая хозяйка замка с трудом поднялась, ощутив, что у нее все ноет, заметила лежащий на полу клинок и поспешила поднять его. Она всегда клала его на ночь под подушку, ибо ее учили, что в любую минуту можно ждать нападения врага. И это произошло, но она не сумела никого убить. Неужели ему было так уж необходимо обращаться с ней столь жестоко? Он наслаждался каждой минутой, негодяй! Что ж, по крайней мере некоторое время он ее не побеспокоит. Твердо обещал, а она чувствовала: Эдвард де Боло – человек слова, несмотря на то что случилось прошлой ночью.

Энит помогла госпоже одеться. По дороге в церковь они молчали. Ронуин в каком-то трансе повторяла слова Господни, когда неожиданно увидела рядом мужа. Ап-Граффид не появился. Он вообще ходил в церковь только в случае крайней необходимости. По окончании службы Эдвард взял жену за руку, и они вместе вернулись в зал, где уже накрывали к завтраку. Принц стоял у огня с большим кубком в руке.

– Ты не забыл? – встревожилась она.

– Нет, – заверил де Боло. – Но взамен я хочу получить обещание, что ты будешь называть меня по имени. Сумеешь?

– Да, Эдвард, – отозвалась она.

Ллуэлин, заметив, как де Боло улыбнулся жене, подумал, что этот союз, вполне возможно, окажется счастливым. Хорошо бы... Видит ли Вала, что он сделал для Ронуин все, что мог?

– Доброе утро! – прогремел он.

– И вам, господин мой. Ты покидаешь нас сегодня, – не столько спросил, сколько констатировал Эдвард.

– Возможно, если удостоверюсь, что ты действительно стал мужем моей дочери, Эдвард де Боло. Покажи мне доказательства свершения брака. Хочу видеть невинность моей дочери, запятнавшую простыню вашей брачной постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.